

ISSN 0130-6375

Искорка ★ 10
1979

ОКТАБРЬ 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Василий ОСТРОВСКИЙ

Первый, поднявший знамя!

Есть у нашей страны знамя — Красное знамя. Есть свои знамёна у прославленных полков и заводов, у городов и районов, у пионерских дружин. Все они одного цвета — красного. Словно хранят в каждой своей ниточке кровь павших в борьбе за свободу и пламень далёких сражений. Не на парадах — на баррикадах полыхали первые красные знамёна, бесстрашно пылали над колоннами демонстрантов навстречу нагайкам, шашкам, пулям. Не ветер — песня распаивала их:

*Свергнем могучей рукою
Гнёт роковой навсегда
И водрузим над землёю
Красное знамя труда!*

Когда же и где впервые взмыло оно над страной? Немало пришлось поработать учёным-историкам, чтобы ответить на этот вопрос: первое красное знамя в России было поднято 8 апреля 1861 года в селе Покровском, Чембарского уезда, Пензенской губернии. Вот как это произошло.

И двух месяцев не прошло со дня обнародования царского манифеста об отмене крепостного права, как по всей России заволновались крестьяне — что же это за воля, что за свобода, когда земли-то нет ни клочка! Вся у тех же помещиков осталась... Снова к ним в кабалу идти!..

Из уезда в уезд скакали казачьи сотни, усмиряя бунты. Нагрянули и в Покровское. Трех человек шашками зарубили, многих поразили — дальше поскакали. Только Покровское не умили. Запрягли Василий Горчев и Максим Потапов

Рис. В. Орлова

коня в телегу и поехали в соседние сёла — на новый бунт поднимать. Вот над той-то телегой и взвился тогда красный флаг.

«На высокий шест, — сохранились записи очевидца, — был привязан большой красный платок, изображавший знамя, шест вставлен в колесо, колесо положено на телегу, и в таком виде этот символ крестьянской неурядицы развозили по селениям...»

И едва взвилось над весенними полями знамя, собрало оно вокруг себя почти пятьдесят тысяч бунтарей. Только что они могли сделать с вилами да косами против шашек и пуль? В схватках с царскими слугами еще 23 человека были убиты, 17 ранены, сотни избиты шпицрутенами и сосланы на каторгу.

Но, вспыхнув однажды яркой искрой, красное знамя не ушло с дороги борьбы. Минуло пятнадцать с половиной лет, и снова поднялось красное полотнище. На этот раз не на селе — в городе, в столице Российской империи — Санкт-Петербурге.

...В 1811 году архитектор А. Н. Воронихин закончил строительство Казанского собора. Распахнулась в обе стороны от него полукруглая колоннада, и почти прямо на Невском проспекте появилась площадь, вымощенная булыжником. В центре её поставили деревянную колонну — обелиск в честь победы над Наполеоном. Потом колонну убрали и поставили памятники полководцам: М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли.

На этой-то площади 6 декабря 1876 года и произошло событие, взбудоражившее всю столицу. Был понедельник. День зимнего Николая. Казанский собор наполнили молящиеся. Погода выдалась морозная, и дежурный городской Есипенко, прохаживаясь между огромных колонн, думал лишь о том, чтобы скорее смениться с поста да подсесть к пышущему жаром самоварчику. Но вскоре почувствовалось ему что-то неладное: уж больно много молодых людей стало собираться на площади. Обычно в храм ходят всё более пожилые, степенные люди, молодёжь его сторонкой обходит, а тут... Стал Есипенко присматриваться: одна кучка, другая... Одни в собор идут, другие на площади о чём-то шепчутся. Одни, судя по всему, студенты: в «пледах», накинутых на плечи, в шляпах с большими полями. Курсистки «стриженные» между ними, в тёмных очках. Иные — в полушубках, на мастеровых больше похожи. Этих-то как сюда занесло?

Между тем в соборе шла служба. К священнику протиснулась группа молодых людей, потребовала молитву за здоровье Николая. А какого такого Николая — не говорят. «Уж не государственного ли преступника Чернышевского?» — насторожился священник. В просьбе решительно отказал.

И тогда несколько сот собравшихся в соборе повернулись и пошли к выходу. Городового Есипенко от дверей оттиснули. Да он этому только рад был: побежал по

снегу в участок — приставу докладывать.

Толпа же на парапет собора высыпала. К подножию одной из колонн вышел молодой человек в чёрном пальто, снял шапку, и ветер сразу же растрепал его русые волосы.

— Плеханов! — узнали в толпе. — Из горного института.

Молодой человек поднял руку и не очень громко, но твёрдо сказал:

— Товарищи! Друзья! Мы собрались здесь, чтобы протестовать против произвола царских властей, заточивших в тюрьму нашего дорогого старшего товарища — Николая Гавриловича Чернышевского и других беззаветных борцов за волю народную. Мы собрались, чтобы заявить перед всем Петербургом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми, наше зная — их знамя!

И тут стоявший рядом с Плехановым коренастый паренёк распахнул полушубок, и над толпою словно пламенем полыхнуло.

Участник демонстрации у Казанского собора А. Вибергаль писал потом: «...было выкинуто красное знамя, но без древка оно плохо развёртывалось... Тогда молодой рабочий Потапов взял знамя в руки, после чего был поднят с ним высоко над головами».

О демонстрации у Казанского собора писал и Георгий Валентинович Плеханов.

«В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весной 1876 года похороны убитого тюрьмою Чернышева. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и всё лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в той демонстрации рабочие не принимали участия... И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию... Рабочие уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на неё соберётся до 2000 рабочих.

...Ещё за несколько дней до де-

монстрации мы увидели, как избыточны были розовые надежды задумавших её революционных рабочих, но отступать было уже поздно... Вечером 4 декабря собрание, на котором, кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на неё соберётся хотя бы несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени...»

Его и поднял восемнадцатилетний рабочий Яков Потапов.

Недолго оно полыхало над площадью. Со всех сторон уже слышались полицейские свистки и ругань. Придерживая пашку, бежал пристав. Спешил за ним городской Есипенко. Не отставали другие городовые. А следом за ними надвигались плотной стеной «добровольные помощники» — дворники, извозчики, носильщики Гостиного двора... Все молодцы дюжие, до драк охочие, выслужиться — тем более!

Яков Потапов быстро затерялся в толпе. Демонстранты построились в широкую колонну и двинулись к мосту через Екатерининский канал. Кто-то громко запел «Марсельезу», сотни голосов подхватили песню. А на пути уже стояли конные городовые...

Плеханова демонстранты уберегли. Ему удалось скрыться и избежать ареста. Потапова же схвати-

ли, избили и окровавленного приволокли в полицейский участок.

«Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казацкой площади 6 декабря 1876 года» в царском суде разбиралось целую неделю. Прокурор постарался докопаться до сути. «Демонстрация была задумана от начала до конца,—говорил он,—кроме того, всё, что было задумано, приведено в исполнение, не удалось только распространить беспорядок далее, т. е. выйти на Невский проспект, одну из оживлённейших улиц С.-Петербурга, и тем ещё более развить, хотя бы по внешности, движение, долженствовавшее иметь окраску движения рабочего».

Шестеро обвиняемых были приговорены к каторжным работам, другие — к ссылке в Сибирь.

Якову Потапову выпала иная участь. Он и его товарищ рабочий Матвей Григорьев считались ещё несовершеннолетними. (По законам Российской империи совершеннолетними считались люди, достигшие 21 года.) Им двоим да ещё двадцатитрёхлетнему рабочему Василию Тимофееву ссылка в Сибирь была «всемилоостивейше» заменена «разосланием в отдалённые монастыри на покаяние». Срок «покаяния» определялся в пять лет. В приговоре указывалось, что ссылаются Потапов, Григорьев и Тимофеев «с поручением их особому попечению монастырского начальства для исправления их нравственности и утверждения оных в правилах христианского и верно-подданнического долга».

Синод — главное церковное учреждение России — два месяца искал, куда бы сослать Потапова, и выбрал, наконец, Спасо-Каменный монастырь под Вологдой.

Повезли Яшу Потапова к стенам Спасо-Каменной обители. Епископ Феодосий повелел «бунтаря» в келью заточить, приставил к нему самых опытных монахов — «перевоспитателей». И началось!.. То проповеди, то молитвы, то увещания. Недели не прошло — до то-

го монахи Потапову надоели, что хоть беги! Только не убежишь ведь... Отвернётся он от своих «наставников» лицом к стене и молчит. А то наоборот — смеётся им в глаза. Да ещё поколотить грозит-ся.

Два года бились монахи с Потаповым — из сил выбились. Сам Феодосий не выдержал, отправил письмо в Петербург: дескать, сей преступник для монастыря зело опасен, распространяет антиправительственные взгляды, разлагает монашескую общину. Просит Феодосий: «Заберите вы от нас сего грешника, паки присмотр за ним требуется не монастырский, а строгий полицейский».

Из Синода письмо епископа переправили шефу жандармов Дрентельну: что, мол, посоветуете? Порешили совместно: отправить Якова Потапова в Соловецкий монастырь. Тот монастырь, что и говорить, построже. Стоит среди студёного Белого моря на острове.

22 июля 1879 года привезли Якова в Соловки. Настоятель архимандрит Мелентий над жильём для узника долго не задумывался: есть у монастыря под каменными стенами земляные мешки, есть тёмницы в башнях, есть кельи, похожие на каменные гробы. В одну из них и кинул Якова. «Воспитателем» приставил иеромонаха Паисия — хитрого, злобного. Поклонился Паисий архимандриту, пообещал сломить упрямого грешника.

Только не таков был первый красный знаменосец, чтобы монахам сдаться. Ни тесные сырые стены, ни сладкоголосые монашьи речи не могли свернуть его с пути, который он ещё мальчишкой выбрал. В долгие холодные ночи вспоминал он свою деревню Казнаково, что осталась темнеть худыми избами на Тверской земле, вспоминал детство своё голодное, вспомнил, как четырнадцати лет ушёл из родного дома в город, записался в артель, спал на одних нарах с ткачами, красителями, же-

лезнодорожниками. Встретил там хорошего человека, мастерового с фабрики Торнтонна Петра Алексеева. Услышал раз, как тот частушку спел,— и сразу поверил ему.

Пётр Алексеев Яше Потапову доверял, потом даже разные поручения давал, тайные. Старался Яша, выполнял их ловко — с задоринкой, с хитринкой. Но однажды всё-таки попался. В Киеве. Сцапали его жандармы. Уж как они вокруг него кружились тогда! И страшали, и деньги сулили, и вопросами разными путали, сбивали с толку. Только ни разу Яша не проговорился. Поверили «фа-раоны», что не знает он ничего — выслали на поруки к отцу.

Недолго он тогда дома пожил. Что в деревне делать? Тишь, глушь, скукота, да и есть нечего. Опять удрал. В Питер. Устроился на фабрику Торнтонна. Думал там Петра Алексеева встретить, да не довелось...

Не знал Яков Потапов, что судил царский суд Петра Алексеева. Не слышал, как сказал на суде его старший товарищ:

— Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!

Слова эти потом по всей России разнеслись...

До того надоел Яше отец Паисий, что Яша огрызаться стал. Тот ему про помазанника божьего на земле, царя российского, Яша в ответ — про угнетателя народа, того же царя. Да, поспешил Паисий архимандриту заверения давать!.. Ничего у него с «перевоспитанием» не получилось. Он уж и увещевал грешника, и наказывал — на хлеб и воду сажал, цепями к стене приковывал — не сдается. Пришлось теперь Мелентию о своём бессилии в Петербург писать, обер-прокурору Синода — Победоносцеву:

«По прибытии Потапов был помещен в арестантское отделение и... поручен опытному и умному черомонаху Паисию... Нельзя его водить в церковь, потому что он так неприлично держит себя в храме, что стыдно смотреть на него, не молится, стоит развалившись о стену... Кроме насмешек ничего из него не выходит... Паисий отказывается ходить к нему для увещевания и нравоучения...»

И хотя толсты были стены Соловецкого монастыря, пустынно море вокруг, но и туда проникла весть: 1 марта 1881 года революционеры-народники убили царя Александра II. Приказано было во всех церквях России провести заупокойные молебствия по убиенному императору. На молебствиях этих присутствовать должны были все без исключения, в том числе и узники монастырских тюрем. Привели в церковь и Яшу, голодного, оборванного. Смотрел он на разжиревшие рожи монахов, напустивших на себя грустные мины, и как встал, прислонясь к стене, так и простоял всю молитву.

Закончил Мелентий речи свои, к выходу пошёл. Тут и шагнул к нему Яша, потребовал облегчить тюремный режим. Архимандрит только злобно глазами сверкнул, процедил сквозь зубы:

— Увести и запереть покрепче!

Не выдержал Яша. Размахнулся пошире да так треснул Мелентия, что тот с ног повалился. Это

в церкви-то! При огромнейшей толпе богомольцев разных!

Такой неслыханный поступок должен был караться высшей мерой наказания. Знал об этом Яша. Потому, может быть, и крикнул:

— Теперь я свободен и доволен! Держите меня после сколько угодно!

Навалились на него, замолотили кулаками, сапогами!.. Очнулся уже в своей камере. А когда очнулся — совсем на неслыханное дело решился — бежать!

И откуда только силы взялись! Просунул ножку табуретки между прутьев оконной решётки, прутья отогнул. Из полотенец связал верёвку. Спустился по ней на землю.

На первых порах повезло: никого в монастырском дворе, все на службе в соборе, и ворота открыты. Вышел через них Яков, смешался с толпой богомольцев. А дальше как? Три шага шагнул — море бескрайнее перед ним. До Кемь хотя бы добраться. Ошибся тут Яша: доверился одному богомольцу, открылся, кто он есть, попросил помочь...

Тем временем и в монастыре побег обнаружили, в погоню кинулись, поймали. Снова Яшу до полу-смерти измолотили. Очнулся — видит себя в кандалах. И на ногах железо, и на руках...

Снова предстоял суд. За оскорбление архимандрита и за побег сразу. 4 сентября 1881 года Потапову новый приговор вышел: «Лишить Якова Потапова всех прав состояния и сослать на поселение в отдалённые места Сибири с преданием церковному покаянию».

Пять лет пробыл Яков в монастырских тюрьмах. Теперь покидал их даже с радостью, хотя и знал: впереди тоже не сладко будет. Снова повезли его водою на барже. Теперь по Северной Двине. В Котласе сошли на берег. Начался пеший путь — на Урал, за Урал, через всю Сибирь. Гремят

кандалы, не дают шагу сделать, а конвойные всё равно подгоняют. Осень сменилась зимою, зима весною, летом, а он всё шёл и шёл. Ноги в кровь избил, обессилел, но шёл.

Три года продолжался немислимый путь. Наконец, коченея от стужи, пришёл он в конце января 1884 года в Якутск. Якутский губернатор прочёл в казённой бумаге: «отдалённые места» и определил Якову местом жительства Вилуйск, ещё в пятистах километрах лежащий от Якутска. Слышал Яков, что был когда-то сослан туда и Николай Гаврилович Чернышевский, потому про себя улыбнулся: стало быть и он, Яков Потапов, знаменосец первой рабочей демонстрации в России — важнейший государственный преступник.

Только провезли его мимо Вилуйска — ещё дальше загнали. В такое глухое место, что и ни одного русского человека уже рядом не было. Поселили Потапова в наслеге (волости) Кобяй, возле Иннокентьевской церкви. Отдали «на попечение» местной Якутской общины.

Предстояло медленно умирать. В монастырях, в тюрьмах на него хоть царские деньги шли — «кормовые». Теперь он «поселенцем» стал — никаких денег на питание ему уже не полагалось. Заработать? Да где, как в глуши этой холодной заработать можно? С якутскими старшинами — тайонами, со священником он в первую же неделю поругался: отверг все церковные обряды. Оставалось кормиться одним подаванием. Только много ли могли дать ему бедные, забитые, запуганные якуты?..

И тогда Яков Потапов начал писать губернатору. Требовал, чтобы отправили его домой, в деревню Казнаково, ибо давно уже вышел пятилетний срок заключения, определённый ему царским судом. Губернатор все потаповские письма кидал в стол, не читая. Шесть

писем получил — ни на одно взглянуть не удосужился. Уже после революции нашли их в губернаторском столе.

Вместо определённых судом пяти лет ссылки пробыл в ней Потапов пятнадцать.

Якову Семёновичу было уже почти сорок лет, когда, наконец, разрешили ему «милостиво» вернуться в родные края, на Тверскую землю. А по сути дела — надсмеялись над человеком. Как же через всю страну ехать, коли нет ни копейки? Да и не мог он, обессиленный, без провожатого отправиться в такой далёкий путь.

До Якутска добрался, а дальше — никак.

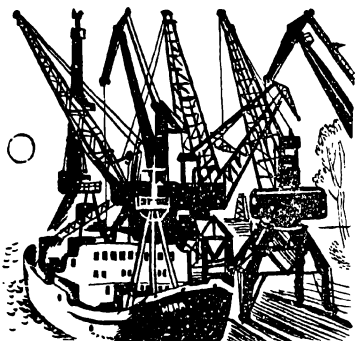
И всё-таки пришёл к Якову Потапову радостный день. В октябре 1917 года пала власть буржуев и помещиков, а 1 июля 1918 года Советская власть установилась и в Якутске. Затрепетали на ветру алые полотнища флагов. Над колоннами демонстрантов запылали, над домами! Смотрел на них Яков Потапов и вспоминал то, первое, что вспыхнуло красной искрой у Казанского собора.

Вон их сколько теперь — красных знамён! Через тюрьмы, ссылки, бои на баррикадах прошли они — и победили!

Владимир КОЛЕЙКО

В порту

Отдыхают краны после смены,
Как поводья, стропы свесив в воду.
К пирсу волны катятся несмело,
Обещая стылую погоду.
Блекнут лета голубого краски,
Золотом раскраплены листья —
Это Осень вышла в жёлтой каске
Помаларить у седой Невы.

М. ТАХИСТОВА

Урожай

Белые хрустящие,
радости полны,
На машинах катятся
толстые кочны!
С боку на бок вертятся,
экая напасть,
Видно, очень хочется
в магазин попасть!
По широким улицам
урожаем везут,
Мальчики и девочки
с сумками идут.
Выбирают весело
звонкие кочны,
Будут щи пахучие
дома до весны!

Рис. Л. Коломейцевой

ТЁМНАЯ КОМНАТА

Связали мы вместе наши верёвки двойным морским, один конец вокруг меня обмотали, другим Гага обвязался.

— Ну всё,— говорит,— я нырнул.

Как трудно было держать, не знал я, что он таким тяжёлым окажется. Сначала, на краю обрыва лёжа, я ещё видел его внизу, светя фонариком, потом уже всё, свет фонарика внизу есть, но Гаги в нём нет!

Потом уже и верёвка вся кончилась. Висит Гага где-то там, далеко внизу, и почему-то молчит.

— Ну что... есть что-нибудь? — не выдержав кричу.

— Нет. Пока ничего,— Гагин голос снизу доносится.

«Ужас,— думаю,— как же я его теперь вверх буду тащить?»

— Ну что? — кричу.

— Верёвки не хватает! — доносится Гагин голос.— Надо прыгать.

— Куда прыгать-то? — говорю.— Ты знаешь хоть, сколько тебе метров ещё лететь?

И чувствую вдруг — верёвка ослабла! Ну, всё! Зажмурился, думаю: «Сейчас шмякнется!» Секунду зажмурившись лежал... две... пять! И снова ничего — полная тишина!

— Эй! — решившись, наконец, спрашиваю.— Ты как?

Долгая тишина, потом вдруг:

— Нормально! — спокойный Гагин голос.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9.

— Что там? — спрашиваю.

— Вода. В воде оказался.

— Глубоко?

— Да нет, не очень. Примерно по шейку, — спокойный Гагин голос раздаётся. — Ну спускайся, дальше нужно идти.

«Спускайся? — думаю. — Как же!»

— Ну ладно, — вдруг говорю, — сейчас спущусь.

Осветил фонариком стены, вижу вдруг, сбоку — железный крюк вбит. Почему-то испугало меня это, значит, какие-то люди тут проходили.

Привязал я к крюку верёвку, начал спускаться. Ладони об верёвку разгорячились, а самому холодно, весь дрожу. И представляю ещё, как в холодной воде окажусь!

Вот кончилась верёвка, повисел я, ногами болтая, и — прыгнул.

Долго, мне показалось, летел, фонарик кверху подняв, потом свет фонарика исчез — это я с головой в воду ушёл. Вынырнул, отфыркиваясь, встал. Посветил — действительно, вода с фонарика каплет, расходятся круги.

— Ну что? — где-то рядом вдруг Гагин голос. — Удачно?

Стал я быстро шарить по сторонам фонариком, гляжу — стоит вытянувшись у самой стены, но лицо спокойное.

— Ну, что дальше? — говорю я, ладонью лицо вытирая.

— Ясно что, — Гага говорит, — дальше пойдём.

— Пойдём! — говорю. — А вдруг глубже дальше будет?

— Тогда поплывём, — спокойно Гага говорит.

«Поплывём!» Но сколько придётся плыть — вот вопрос! Конечно, мне приходилось ночью плавать, но там хоть было известно, что где-то точно есть берег, а тут неизвестно, есть ли что-нибудь там, в темноте!

— Ну, я уже отдохнул, — Гага говорит. — Догоняй!

Взял у меня фонарик, с поднятым фонариком медленно вперёд пошёл, подняв над водой подбородок. Потрясающий всё-таки он человек! «Отдохнул!» Замечательные здесь условия для отдыха!

И всё, снова обступила темнота и тишина. Только впереди, окружённая светом, тёмная Гагина голова удаляется. Сначала спокойно двигалась, потом, вижу, как-то странно дёргаться стала!

— Ты что?! — кричу.

Тишина долгая, потом доносится оттуда:

— Нь мг грть!

— Почему?..

— Фнрк в рт!

— ...Ты что, плывёшь, что ли?

— Д...

— Сейчас! — говорю.

Бросился за ним, пошёл в воде, потом — тоже поплыл. Догнал плывущего Гагу, посмотрел. Если бы он тут вдруг навстречу мне попался неожиданно — точно бы я от страха умер! Широко раскрытый рот, глаза от этого, как у ненормального, а изо рта яркий свет идёт.

Повернулся ко мне, кивнул. Дальше поплыли.

Долго плыли. Незаметно для Гаги, на плаву, ногу опус-

тишь—дна нет! И главное, какая-то страшная мысль подкрадывается: «Что это? Где это мы так долго уже с Гагой плывём?.. Неужели может быть такой большой подвал?!» И главное, время здесь совершенно не ощущается, то ли пять минут плывём, то ли час!

Гага вдруг поворачивается ко мне:

— Н мг блш — взм фнрь!

Поплыл я к нему из последних сил, чтобы взять у него из рта фонарь, вдруг боль почувствовал — коленом о что-то твёрдое ударился. Быстро схватил руками — что-то железное, круглое, ребристое — вроде люк, а вокруг по-прежнему глубоко. Встал я на этот люк, примерно по пояс из воды вылез. Гага ко мне подплыл, встал рядом, тяжело дыша. Вокруг абсолютная тишина, только капли с нас падают, щёлкают — и больше ни звука. Стали смотреть по сторонам — тьма, ничего нет!

— Ну что... вперед? — Гага говорит.

— Вперёд! — говорю.

Какое-то вдруг ликование меня охватило. «Всё равно, — думаю, — если даже утонем здесь, всё равно не испугались,плыли, сколько могли!»

Плюхнулся я в воду за Гагой, поплыл. Слёзы текут по щекам, и одновременно — какое-то ликование! Плыву с фонариком во рту, и если бы не фонарик, наверное, стал бы кричать что-нибудь!

Долго ещё так плыли. Луч фонарика болтается по сторонам, иногда вдруг голову Га-

ги осветит, иногда затеряется в темноте. Вдруг вижу в луче фонарика чьи-то ноги. Лёг на спину в воде, поднял фонарик, стал светить. Вижу — Гага стоит над водой, на каком-то карнизе, рукой за стену держась. Протянул он мне одну руку, я влез. Отдышался, потом только обернулся, во тьму посмотрел, которую мы преодолели.

Да-а-а... А говорил ещё, совсем недавно, что ничего такого нет, что могло бы меня потрясти!

Стали светить фонарём вверх, высоко уходит стена! А вот и потолок смутно виднеется в слабом свете. Повёл я свет вдоль него и вижу вдруг — тёмный квадрат! Провал! Коридор! Примерно на той высоте, с которой мы спустились сюда. Только не добраться туда никак! А если обратно поплыть, вряд ли мы из воды до верёвки допрыгнем! Стоим, молчим. Гага вдруг говорит:

— Хочешь конфетку?

— А у тебя разве есть? — удивился я.

— Конечно! — Гага говорит.

Взял у него карамельку липкую, и чувствую вдруг снова слёзы — так я растрогался от его заботы!

Стали нарочно громко чавкать, чтобы тишину нарушить.

— Ну... отдохнул? — неожиданно Гага спрашивает.

— Отдохнул!

— Тогда — вперёд!

Пошёл Гага по карнизу, встал так, чтобы как раз под тем тёмным коридором оказаться, потом вдруг достал из кармана зубило, стал стену крошить. Мягкая штукатурка оказалась, быстро выбил дыру. Под штукатуркой оказались скрещённые тонкие рейки, Гага засунул под них зубило, покачал, они немного отошли от стены, что-то вроде ручки получилось. Потом Гага влез одной ногой мне на плечо, другой в выдолбленную дыру упёрся и стал другую дыру

бить, на полметра выше первой и чуть в стороне — для другой ноги. Потом я его придерживал, и он, уже обеими ногами в дырах стоя, третью дыру пробивал — для руки!

И так и пошли дыры зигзагом вверх! В двух дырах упёрся ногами, в третьей держится рукой, а другой рукою долбит новую дыру, чуть выше. Потом — передохнёт немножечко, перелезет выше и новое отверстие рубит! Гляжу — он уже на половине стены висит!

— Слезай, — говорю, — давай я немного подолблю.

— ...Спасибо! — после долгой паузы отвечает. — Я не устал!

Как высоко уже висит! Только штукатурка сюда долетает — в глаз мне попала, стала щипать.

Снова, вижу, зубило в другую руку перекладывает, в ровное место стены начинает бить.

И вот совсем уже у чёрной дыры оказался, перелез туда наполовину, а ноги почему-то долго ещё сюда свисали, видно, не было уже сил залезть!

Потом исчезли, наконец, там ноги, появилась голова.

— Прошу! — гулко с высоты Гага говорит. — Парадный трап подан.

Полез я, пальцами стараясь под скрещённые рейки подлезть, вцепиться, чтобы обратно не грохнуться. Рейки трещат, ломаются, еле успеваешь за следующую перехватиться. Главное — только стену перед собой видеть, ни назад не смотреть, ни вверх.

Потом чувствую, рука меня за шиворот схватила. Ввалился я в дыру, лёг.

— Я в центральной библиотеке был,— где-то рядом Гага говорит.— Все книги читал про наш город, даже старинные... Нигде про этот ход ничего не сказано. Ясно?

— Но кто-то, видимо, про него знал? — вежливо стараюсь поддержать разговор.

— Вряд ли! — Гага говорит.— Не думаю.

— А помнишь, ты говорил, какой-то странный человек этим ходом прошёл, в наш двор вышел?

— Помню,— Гага кивнул.— Ну что, отдохнул? Вперёд!

Встали мы на дрожащие ноги, пошли. Примерно такой же коридор, каким мы от кочегарки к тёмному залу пришли, но только запах в нём совершенно другой — холодом пахнет, запустением, пылью, чувствуется, давно здесь никого не было!

Но было и такое чувство, что по нему мы куда-то выйти должны! И вдруг действительно — показался впереди маленький прямоугольник, по краям обведённый тонким светом — дверь! Добежали до неё, подёргали — дребезжит, но не открывается! Разбежались оба сразу, ударили плечами и вывалились наружу.

Сначала зажмурились от ярчайшего света, ничего не могли рассмотреть. Потом глаза начали привыкать, смотрим — находимся мы у высокой кирпичной стены старинного типа — высокая, отвесная, даже

немного нависает над нами, и в этой стене маленькая дверца, из которой мы только что вывалились. Сидим мы на узенькой полоске земли, ивовые кусты вокруг растут, постепенно уходят в воду. Дальше — широкая полоса воды, за водой — снова берег, заросший высокими кустами.

— Ну, вперёд! — Гага говорит.

Подошли мы к воде, видим: в ивовых зарослях плавает плот с четырьмя толстыми столбами по краям. Подошли ближе, увидели — это не плот, а перевернутый стол с толстыми круглыми ножками. Встали мы на стол, гребя палками, через пролив переплыли. Влезли с трудом в высокие густые кусты. Тень, сырость. Потом кончились, наконец, кусты, выбрались на поляну.

Неподвижная солнечная тишина. Ржавая голая кровать стоит на краю. Подальше — старый фундамент дома, пригорок с обломками кирпичей, заросший фиолетовыми цветами. Гага быстро пошёл дальше, в тот конец поляны и вдруг с хрустом куда-то провалился. Подбежал я к нему, гляжу — часть поляны застеклена, стёкла в рамах, местами просто рамы — стёкла уже выбиты.

— Окна внутрь земли, понял? — почему-то торжествующе Гага говорит, выбираясь из проломленного им стекла.

— Да это не окна! — говорю ему, — это теплицы! Раньше, видно, в них овощи выращивали, а потом забросили.

— Так, ясно! — говорит Гага,

выбираясь на незастеклённое место.

Пошли дальше, снова в зарослях оказались. Лезли через заросли минут, наверное, сорок и снова потом на берегу оказались. Вода, заросшая деревьями, высокие деревья — за ними ничего больше не видно.

— Смотри! — шёпотом вдруг Гага мне говорит.

Посмотрел я, куда он показывал, вижу — кошка! Но очень странная, никогда раньше не видел я таких кошек — вся чёрная, а голова, начиная от шеи, ярко-белая! Стоит у воды, лапой трогает воду, тронет — и быстро отдернет, тронет — и быстро отдернет. Потом услышала нас, повернула свою белую голову и так изумлённо застыла, с поднятой лапой. Потом шаркнула быстро в кусты, всё! — будто её и не было!

— Понял? — Гага многозначительно говорит.

— Что?

— Видел, как она себя вела?

— Как?

— Видел, как изумилась? Ясно, что человека здесь ни разу ещё не видела. В общем, ясно! — торжествующе говорит.

— Что ясно-то?

— Что этот остров, вообще, этот участок земли соединяется с остальной землей только тем ходом, через который мы пришли — больше никак! Раньше люди, может, и помнили этот ход, а теперь уже забыли

почему-то, только мы по нему можем пройти.

— Да как это может быть, — говорю, — в нашем веке?

— В нашем веке, — Гага говорит, — много ещё загадочного существует!

Хотел было я сказать ему, что он ошибается, но вижу, он кулаки сжал, лицо его дрожит, бесполезно сейчас с ним спорить! Конечно, раз добрались сюда с таким трудом, то ясное дело — открыли новую землю!

— А как же, — только сказал я, — ты говоришь, что люди этот ход забыли, а сам говорил, что видел, как человек из этого хода в наш двор выбрался?

— Ну и что? — Гага упрямо говорит. — Он отсюда ушёл, а мы — пришли!

— Ну и что теперь будем делать? — спрашиваю.

— Вернёмся, — Гага говорит, — возьмём всё необходимое и начнём освоение!

Что обратно пойдём, это я обрадовался. Только оказалось вдруг, что обратно Гага тем же путём хочет добираться. Страшно не хотелось мне в эту сырую чёрную дыру лезть, снова огромный тёмный зал пере-

плывать. Но с Гагой бесполезно спорить, уверен, что только тот путь сюда ведёт, поэтому и остров никому неизвестен!

Неохота рассказывать, как мы обратно через весь этот ужас пробирались, только скажу, что ещё тяжелее было, чем в первый раз. Наконец, от усталости падая, мокрые, естественно, насквозь, оказались мы в тёплом коридоре, который к кочегарке вёл. После темноты и холода он уже мне замечательным местом показался: жарко, сухо, и красные отблески от котла доходят, значит, близко уже жизнь, люди! Но Гага выглянул через прорытый нами канал в углу и быстро обратно пришёл.

— Нельзя выходить! — шепчет.

— Это почему? — я совсем уже терпение потерял.

— Там кочегар сидит! — Гага шепчет. — Нельзя, чтобы он узнал, что мы через этот ход прошли!

— Почему нельзя-то? — тут я совсем возмутился.

— Ты что же думаешь, он просто так здесь сидит? — Гага говорит.

— Конечно, просто так! Обыкновенный кочегар! — я чуть было уже не кричал.

— Обыкновенный! А почему он, интересно, что-то всё время пишет? — Гага говорит.

— Ну ладно! Если ты считаешь, что всё так необыкновенно, и запрещаешь мне на белый свет выходить, лягу прямо здесь и буду спать!

Устал я, действительно, очень сильно. Разровнял не-

много уголь, который мы сюда протолкнули, лёг, руки под голову положил — и вправду, неожиданно заснул. Проснулся, не знаю уж через сколько, Гага меня разбудил.

— Давай, — говорит, — выбираемся потихоньку, он ушёл.

Выбрались мы во двор. Я с Гагой не прощаясь домой пошёл.

И бабушка к тому же — хороша бабушка! — вместо того, чтобы выругать меня как следует, говорит спокойно:

— Где же ты так изгваждался, родной? Ну, снимай быстро, я в тазу замочу! Но молодец, что к пяти поспел, как я велела, за это я тебя оладьями угощу.

Посмотрел я на часы: действительно, всего четыре часа это путешествие продолжалось, а казалось — год! Поел я, потом телевизор посмотрел, после спать лёг, — здорово я в тот день устал.

Ночью приснился мне страшный тот тёмный зал, как мы в нём плывём, во сне всё это страшнее ещё казалось. Проснулся я весь в поту, лежал, не двигаясь. Потом вдруг горячая вода из уха вылилась, наверное, в тёмном зале мне в ухо набралась. Почему-то я испугался, на кровати сел. Сказал я себе, что никогда больше с Гагой никаких дел иметь не буду. Хватит! Всё!

Но утром встал, по двору поболтался и неожиданно, даже с нетерпением, к Гаге пошёл. Он кивнул деловито, видно и не помнил того, что я не прощаясь с ним вчера ушёл.

— Посмотри,— в сторону стола кивнул.— Я там набросал кое-что. По-моему, неплохо.

На столе лежал листок, и на нём нарисован такой чертёж:

— Ну как?— Гага спрашивает.

— Замечательно! — говорит.— Даже лучше, чем в действительности!

Тут Гага обиделся, зло на меня посмотрел:

— Знаешь, как называется человек, который ни во что не верит? Циник! И в тебе уже много этого, ты ко всему уже почти с усмешкой относишься! И это ещё в молодом возрасте, а что потом с тобой будет — представляешь?

— А с тобой?— говорю ему.

— Ладно,— Гага говорит.— Так будешь участвовать в освоении или нет?

— Ладно, буду, не бойся! А то ты без меня вообще голову себе сломаешь!

— Тогда так,— Гага говорит.— Я тут набросал список, что нам надлежит в первую очередь на остров взять. Значит так: десять банок тушёнки. Два спальных мешка. Десять инкубаторных цыплят. Две буханки хлеба. Полкило конфет. Топор. Транзисторный приёмник.

— Так,— говорю,— а зачем нам десять цыплят?

— Как зачем?— Гага говорит.— Жить на острове будут, яйца нести.

— А кошка та их не сожрёт?

— А мы ограду для них сделаем.

— Так... А где два спальных мешка возьмём?

— В прокате.

— Так, а зачем транзисторный приёмник с собой брать?

Представил я, как мы со всем этим грузом через тёмный зал плывём, а потом ещё взбираемся по вертикальной стене!

— Может,— говорю,— телевизор с собой взять, чтобы там программу «Время» смотреть?!

Ничего не ответил на это Гага, даже голову от своего дурацкого списка не поднял! Потом только произнёс:

— Так...За хлебом и конфетами ты сходишь, или мне нужно идти?

— Схожу!

— Деньги нужны?

— Есть!

Вышел я от него, пошёл в булочную. «Ладно,— думаю,— сделаем всё так, как он хочет. Посмотрим. Посмотрим!»

Вошёл я в булочную, взял две буханки, схватил кулёк с конфетами, шёл уже к выходу, потом посмотрел вдруг почему-то вниз, себе под ноги. И чуть было не упал от ужаса — на полу около кассы, свернувшись и мурлыча, та самая кошка лежит — чёрная с белой головой, которую мы на нашем необитаемом острове видели!

(Продолжение следует)

Золотая осень

*Я вошёл в осенний лес.
До чего красиво здесь!*

*Вот стоит осинка,
в листьях — золоти́нка.*

*Жёлтая берёзка
запылала броско.*

*Величавый стройный клён,
как на пламени калён:
держит алые, лигые,
золотые листья он.*

*Старый дуб
горит не жарко,
держит злато —
сыпать жалко.*

*Но зато
подружки-липы —
молодые девушки —
так и сыплют
на ледок
золотые денежки.*

*Я по тоненькому льду
и по золоту иду.*

Е. АПАРИН

Наш костёр

*Раз картошка, два картошка...
Нам пора её испечь!
Соли полная ладошка —
А костёр заменит печь!
В углях, в жаре, всем по паре —
Превосходная еда!
У костра не на пожаре.
Пусть пылает — не беда!
Хворост, сучья — дыма туча!*

*В саже руки, даже нос!
Искры скачут всё летучей —
Будто рой сердитых ос!
Терпим стойко — жарко*

только!

*У костра загар не тот.
И картошка не иголка —
Каждый что-нибудь найдёт!
...Вот оплошка! Вся картошка
Превратилась в угольки!
Нет съедобной даже крошки —
Почернели языки!*

Рис. Л. Коломеецовой

Загадки лесного дупла

Будь я поэтом, я бы написал о дуплах поэму! А будь художником — рисовал бы старые дуплистые деревья. Глаз невольно задерживается на них. Но не чувство суетности и тщеты всего живущего рождают они, а чувство величия и бесконечности жизни.

Да, не устоял перед временем даже могучий дуб. Но дуб жил! И до сих пор в его дуплах и трещинах теплится жизнь.

Каждое лесное дупло — загадка. В каждом дупле кто-то жил или кто-то живёт. Раздолье следопыту! По пёрышкам, по шерстинкам, по косточкам, по царапинам на коре разгадывает он дупляных жителей.

Бывают дупла-ночлежки: в них ночуют белки, синицы, дятлы. Бывают дупла-кладовые. Белка спрячет орехи, сойка сунет жёлудь или рябину. Куница-разбойница положит про запас недоеденную ножку рябчика. Или сыч-воробей заморозит на зиму, как в холодильнике, мышей и птичек.

Есть дупла — дома отдыха. Всю зиму спят — отдыхают — в них летучие мыши, повиснув вниз головой. Спят лесные или садовые сони. Встречаются дупла одноэтажные и многоэтажные. В первом этаже дерева синица живёт, на втором — горихвостка, на третьем — дятел. Бывают многослойные дупла. Жил в дупле дятел, дятла сменила синица, синицу — горихвостка, горихвостку — летучая мышь. В несколько слоёв накопилась подстилка, подстилка — как список жильцов.

И бывают дупла-могилы. Вытащишь дупляную труху, а в ней птичьи или зверьковые косточки, шерсть или перья. Кто-то ослаб от ран, от голода, холода, или просто время пришло, забился в дупло и кончил в нём свою жизнь.

Сколько дупел — столько загадок. И неизвестно, какое тебе попадётся дупло. Может, такое, какое ещё в жизни не попадалось... Лесные дупла тоже оставили зарубки на памяти. Вот они — одна за другой...

СТРОИТЕЛЬ

Дупло, выдолбленное большим пёстрым дятлом в свежей осине, — неприступная крепость! Поэтому, наверное, птенцы его так крикливы: некого им бояться.

Всякий дом — тем более крепость! — строится по чертежам. И у дятла чертёж, только не на бумаге, а в голове. И в чертеже том всё

предусмотрено. Вход по ширине собственных плеч: хозяин войдёт — незваный гость застрянет. Глубина в полный рост. И даже с запасом. Ширина — чтоб в боках не жало.

А чтоб дождевая вода, стекая по коре, не попадала в дупло, долбит дятел у входа неглубокий сток-желобок. А против тех, кто не прочь запустить в гнездо

лапу, делает дятел уступ-порожек.

Всё продумано и предусмотрено. Ни на хвоинку не отступает дятел от своего

испытанного чертежа. В лесу, как нам известно, каждый, кто старается для себя, неизбежно старается и для других. Выведет дятел птенцов, и дупло его занимает летяга. И живёт в его домекрепости: ветер не дует, дождь не мочит, враг не зайдёт. Спит летяга спокойно, не высовываясь на шарканье, на царапанье и на стук. Хоть обухом стучи — и нос не покажет, если сама не захочет. Уверена в неприступности крепости.

ДУПЛЯНЫЕ ГРИБЫ

За подосиновиками ходят в осинники, за подберёзовиками — в березняки. За боровиками, понятно, — в боры. У каждого гриба свои излюбленные места.

Моховики — во мху, навозники на навозе, опёнки — на пнях. А я собирал опёнки... по дуплам! Осень была сырая, и из всех больших дупел высунулись опёнки. Как жёлтые кружевные занавески на

лесных окошках. Или как диковинные цветы на подоконниках. И не нагибаться за этими грибами надо было, а карабкаться вверх!

Никто, конечно, не жил в этих грибных дуплах. Было в них сыро, затхло и пахло плесенью. На дне скопилась влажная труха. Древесные муравьи, наверное, нагрызли. К осени труха отсырела, перегнила, и получилось дупло-оранжерея. Рассадник грибов. Прибов-дуплогнездовиков!

ШИШКА В ПОЛЕНЕ

Лесные дупла и дома не оставляют в покое и тут ухитряются загадки загадывать! Колю дрова. Ставлю на пень целое осиновое полено. Раз! — и пополам. А в середине полена — дупло! И в дупле — еловая шишка! Каково? Повторяю ещё раз: целое осиновое полено, а внутри... шишка! А снаружи ни входа, ни выхода. Как косточка в целой вишенке, как ядрышко в ореховой скорлупе. Крепкий орешек!..

Но я его раскусил! Опять дятел! Начал он долбить свежую сочную осину, полдупла выдолбил, не понравилось, бросил. Другой дятел затолкал в полдупло

ло шишку, хотел заклинить, чтоб раздолбить, а она внутрь провалилась. Не беда, в лесу шишек много. Повертел носом и улетел.

Молодая осина быстро растёт: через год-два дыру снаружи рубцом затянуло, а ещё через год и рубца не осталось. А шишка внутри. Теперь-то всё кажется просто. А тогда? Осиновый целый чурбак и шишка внутри! Еловая...

СЪЕДЕННОЕ ДУПЛО

Даже дети знают, что медведь любит сладкую малину и мёд. Но не все — даже взрослые! — слышали, что любит медведь и горький осиновый лист. И так любит, что карабкается за ним на

самые высокие осины. Как монтер на телеграфный столб. Но монтер, взобравшись на столб, начинает чинить, а медведь, вскарабкавшись на осину, начинает ломать. Треск по лесу идёт! Толстые сучья обламывает и сбрасывает на землю. А пока лезет вверх, всю кору избороздит когтями вдоль и поперёк. Правда, ссадины на коре быстро заживают, затягиваются, но рубцы остаются на много лет. И долго видно потом, где медведь пировал и

сбрасывал медвежатам сучья. И медвежата из-за горьких листьев сосорились и даже дрались, как из-за сладкой малины или мёда.

Ещё медведь лазает на деревья за... дуплами! Тут совсем непонятно: зачем медведю дупло? Ну если бы с сотами, с мёдом или птичьим гнездом, а то пустое и старое, выдолбленное и брошенное дятлом. От него уже и гнездового запаха не осталось, и осина или берёза давно растрескались. А медведю такое дуп-

ло нужно зачем-то. Сколько раз находил старые дупла, разгрызенные, разодранные, растерзанные от входа до днышка. Съеденное дупло!

Ну, прямо разбомблённый дом с обрушенной передней стеной — вся комната на виду! Внутри никого и никакой обстановки, одни голые стены. И непонятно, зачем медведь — взломщик старался. Одна из бесчисленных лесных загадок, отложенных до поры до времени. До лучших времён.

С Ы Ч

Жил-был в лесу воробыш сын: лапы цапучие, глаза завидучие. По ночам разбойничал, днём прятался в густых ветках. Но пришла осень, ветер-листордёр все листья содрал — негде стало прятаться.

— Надо дупло искать, — решил сын. — Зима на носу.

Нашёл дупло, стал в дупле жить. Что теперь ему зимние холода! А если ещё мыш про запас скогтить, так и зимний голод не страшен. Скогтил жирную мыш, положил в дупло. Хороша мыш, вот бы ещё такую! Ещё скогтил — и опять в дупло.

— А теперь, — разохотился, — в самый раз синицу поймать!

Синицу поймал, сунул в дупло. Землеройку придушил. Птичку-пищу. Потом птичку-королю. Напоследок воробья придавил. И всех затолкал в дупло.

— Заживу теперь в сытости и в тепле!

И хотел было сам в дупло спрятаться. Да глядь: а места-то в дупле нет! Доверху дупло припасом забито, голову и ту не втолкнуть. Сел рядом с дуплом на сук голый: перья от ветра дыбом, на носу — дождевая капля. Что делать? Другое дупло искать — трудов жалко. Припас из дупла выбросить — добро жалко. Рядом с дуплом зимовать — себя жалко.

Стал сын у дупла жить, добро сторожить. Худо ему: и дом есть, и припас есть, а радости нету.

Рис. Л. Московского

ЛИСТОДЁР

Из школы мы возвращались через парк. Шли мы вдвоём с Андреем. Он у нас новенький. Хотя что это я говорю: у нас все новенькие. Школу только открыли. Новостройки... Летом здесь хорошо, а сейчас везде жёлтые листья валяются.

— Отчего это, интересно, они желтеют? — как-то неожиданно спросил я. Это у меня такая особенность: вдруг выскакивают всякие такие вопросы.

— Отчего желтеют листья? — задумчиво повторил Андрей. — От солнца, пропитались солнцем за лето, вот и стали золотые. В каждый листочек вошёл солнца кусочек.

— Ты что, того, да? — поинтересовался я и покрутил пальцем у виска. «А вообще-то это он здорово сказал, — подумал я, — так интереснее».

— Ну, ладно, — говорю, — раз ты такой умный, скажи, отчего это листья осенью падают на землю?

Сейчас он скажет: от ветра, — а я ему: а что, летом, что ли, ветра не бывает?

— Могу сказать: только ты опять не поверишь.

— Ну, скажи, скажи.

— Их срывают.

— Кто? Ветер?

— Сам ты ветер. Листодёр — вот кто!

— Чего-о-о? Какой ещё листодёр? Ты что, его видел?

— Конечно, я его очень хорошо знаю, — сказал Андрей серьёзно.

— Чепуха какая-то, — пробормотал я не очень уверенно. — Может, ты и мне его покажешь?

Я понимал, конечно, что никакого Листодёра нет, и всё-таки просил его показать.

Удивительно, но Андрей сразу же согласился.

И вот вечером мы пришли в наш парк, похожий на лес.

— Надо подождать, пока совсем стемнеет, — говорит Андрей.

Я молча киваю, а сам озираюсь по сторонам. На некоторых берёзах уже почти совсем нет листьев, но дубы ещё громяхают тяжёлой листвой. Без листьев деревья жалкие, как класс во время перемены. Когда я дежурный, я стараюсь побыстрее открыть форточки и стереть с доски и выскакиваю вслед за всеми в коридор.

— Пора, — тронул меня за плечо Андрей, и мы, отводя руками холодные ветки, пошли в гущу деревьев.

— Тише... не топчи так, — сердится Андрей. — Вот здесь будем ждать. — Он показал на толстенный тополь. Мы прислонились к его стволу и как бы слились с ним, в темноте нас не различишь.

— Теперь тихо повторяй за мной, — сказал Андрей, — тогда он быстрее появится.

*Никто о том не ведает,
Хотя с далёких пор
Живёт в лесах неведомый
Малютка-Листодёр.*

Меня совсем не удивило предложение Андрея.

— Никто о том не ведает... — в два голоса зашептели мы.

— Листва тоже шелестит... Темно... Тихо... Никого... Что это?! Тёмная

тень взметнулась вверх по тополи. Дико сверкнули глаза.

— Вот он! — закричал я.

— Тихо, — зашикал Андрей, но было поздно. Тень исчезла. Всё затихло.

— Пойдём, — сказал Андрей, — он больше не придёт.

Я молча шагал за ним, я чувствовал себя виноватым. И чего заорал, как маленький, сам не пойму, ведь не испугался же я?! А может?.. Да нет! Просто неожиданно всё случилось. Ведь не Листодёр же это был в самом деле. Просто кошка, наверное. Но что-то мучило меня...

— Что он, в самом деле все листья обрывает? — спросил я. Надо же было с чего-то начать разговор.

— Обрывает. — Андрей даже обрадовался моему вопросу. — Все листовые деревья обрывает и лиственницы тоже, у них иголки мягкие, а вот сосны и ели не трогает.

— Почему?

— Неужели непонятно? Иголки больно колются, а у него руки нежные.

— Давай подарим ему кожаные перчатки — повесим на дерево и уйдём.

Андрей посмотрел на меня внимательно, но ничего не сказал. Только у самого нашего дома он потоптался немного и тихо так говорит:

— Знаешь, сейчас уже поздно, а завтра сразу после уроков пойдём ко мне? Я тебе что-то покажу.

— Ладно, — согласился я, спокойно вроде, а сам очень обрадовался. Мне Андрей сразу понравился, с первого дня.

— Только, — говорит, — никому не рассказывай про то, что я тебе покажу. Не надо пока.

На другой день мы с Андреем пошли к нему.

В комнате у Андрея мне сразу же бросилась в глаза пальма. Ещё бы: она протягивала ко мне широкие зелёные ладони с растопыренными пальцами. «Войди, войди, здесь тебе рады», — как будто говорила она.

Мы уселись под пальму, и на низенький журнальный столик Андрей положил большой альбом.

И вот мы уже в лесу. Густой, мрачноватый, он кажется бесконечным.

— Красивый лес, — похвалил я.

— А его, его ты видишь? — почему-то шёпотом спросил Андрей.

— Кого его?

— Ну его! Листодёра!

И тут он появился... Сначала из-за густых ещё листьев высунулась цепкая ручка, покрытая короткой золотистой шерстью. Ладонка совсем маленькая, но длинные кривоватые пальцы с острыми серпами-когтями надёжно обхватили ветку. Ловкое ладное тельце прильнуло к стволу. С любопытством, но настороженно смотрят на меня большие жёлтые с красным ободком глаза, а белки глаз зелёные (не белки, а «зелки»). Мордочка добрая и всё время улыбается, а может быть, это только так кажется.

— Ты его сам придумал? — наконец спросил я.

Андрей кивнул и почему-то покраснел.

— Здорово! — сказал я. — Я бы так не смог.

— Ну, что ты, — смутился Андрей, — ты просто не пробовал.

Я листал альбом, и на каждой странице меня ожидало что-то необыкновенное... На меня смотрели странные существа — то ли громадные муравьи, то ли люди. А на самом деле это жители планеты из созвездия Лебедя. Они умеют очень быстро бегать, поднимают вес в десять раз больше собственного, а мозг у них развит даже лучше, чем у землян. А дома у них... Ну, представьте только дом на колёсах, на чердаке двигатель. Пожил в одном месте, надоело — взял и переехал на другое. Хочешь — живи в лесу, хочешь — поезжай к морю. Вот это да! Конечно, сделаны они не из кирпичей, а из неведомого нам лёгкого, но прочного материала. Но вот совсем другие миры: мрачные страшилища, которые живут где-то у центра земли, глубоководные рыбы с фонарями вместо глаз.

А на последнем листе — осенний лес. Золотистые листья устлали всё вокруг, и на деревьях их ещё много. На одних совсем золотые, на других потемнее, на третьих красноватые или с переходами жёлтого цвета в зелёный или красный.

И под каждым рисунком был маленький рассказ (Андрей называл их «сочинилки»). А под осенним лесом даже стихи:

*Жёлтое солнышко стало бледнеть,
Листья и травы — желтеть
и желтеть...*

*Целое лето их солнышко жгло
И незаметно само в них вошло.*

Вот бы напечатать такую книжку: чтоб были в ней рисунки Андрея и под каждым рисунком сочинилка.

Может, он напишет такую книжку, когда вырастет.

А пока что Андрей учится со мной в одном классе и оформляет нашу стенгазету. Оказывается, карикатуры у него тоже получаются здорово, об-
хохочешься.

*Ломтиком сыра месяц скользит,
За месяцем туча-ворона следит,
Чуть зазевается, туча-ворона
Мизгом утащит его с небосклона.*

Наташа ДЕСЯТСКОВА,
5-й класс, 179-я школа

Рис. Л. Московского

НАШ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

Фермер с берега озера Отсего

(К 190-летию со дня рождения
Фенимора КУПЕРА)

В один из вечеров августа 1819 года богатый американский земле-владелец Джеймс Фенимор Купер сидел у камина в своей уютной гостиной и читал жене только что полученный из Англии новый роман. Это была обычная для литературы того времени история двух влюблённых, на пути которых возникает множество разных препятствий, но всё завершается счастливым браком и обязательно суровым нравоучением в конце.

Потрескивали поленья в камине, жена Фенимора опустила на колени шитьё и с улыбкой дослушивала последние страницы книги. Фенимор дочитывал их скороговоркой. Наконец он захлопнул томик и швырнул его на пол.

— Невыносимо, правда? Как будто переел маисового печенья с патокой.

— Действительно, скучно, — сказала жена. — И ничему не веришь. В жизни так никогда не бывает.

— Знаешь, дорогая, я бы, наверное, написал гораздо лучше.

— Ты? — воскликнула молодая женщина. — Но ведь ты — не писатель. Для того, чтобы писать книги, нужен талант.

— Талант... — задумчиво повторил Фенимор. — Кто знает, может быть, и у меня есть талант. Ведь я ни разу не пробовал.

— Попробуй! — подзадорила его жена.

— Ты думаешь — не получится?

— Уверена, — сказала она. — Ты — землевладелец, плантатор, но не писатель.

Да, Фенимору Куперу было тридцать лет, и он был плантатором и землевладельцем. Дом и земля — 4000 гектаров — достались ему в наследство от отца, судьи Вильяма Купера. Фенимор разводил на земле овец, выращивал пшеницу и жил спокойно и беззаботно, как всякий состоятельный человек. За его плечами были три курса юридического факультета университета, плавание матросом на торговом корабле, служба в военном флоте мичманом на бриге «Везувий».

Он любил море. Вода была с детства рядом — огромное имение отца стояло на берегу красивого озера Отсего. Пятилетним мальчишкой он научился плавать, а восьмилетним — стрелять из ружья. Лес тоже был рядом — он стоял непроходимой стеной по берегам озера. Достаточно подальше забраться в чащу, и можно было встретить индейцев из племени онейда или онондага — бывших хозяев этой земли.

В 1809 году, когда Фенимору исполнилось двадцать лет, его отец умер. Он занимался политикой, и политика привела его к концу. На одном из предвыборных митингов отец поспорил со своим политическим противником. Спор перешёл в драку. Судья Вильям Купер получил от своего оппонента такой удар в переносицу, что через двое суток скончался. В Америке тех времён драки политических противников были самым обычным делом.

В 1811 году Фенимор получил свою долю отцовского наследства и женился. С морем было покончено. Мичман военного флота превратился в крупного землевладельца.

Слова жены, что он не сможет написать книгу лучше английской писательницы, задели его.

— Знаешь, я всё-таки попробую, — сказал Фенимор.

Он не только написал роман «Предосторожность», но даже издал его. Впоследствии он стыдился этой книги — она была полностью подражательной. Однако писательство так захватило его, что он сразу же принялся за вторую книгу.

— В «Предосторожности» я писал об Англии, зная её только по книгам да по рассказам, — сказал он жене. — Теперь я попытаюсь создать чисто американский роман. Я хочу написать о нашей недавней войне за независимость и о любви к родине.

Через год родился роман «Шпион».

Фенимор Купер стал знаменит. Действительно, «Шпион» был первым произведением в Штатах, рассказывающим о борьбе молодой американской республики с английской метрополией. В этом романе Фенимор Купер сделал героем не аристократа, а бродячего торговца-коробейника Гарви Берча.

Ещё через два года Купер пишет роман о поселенцах, осваивающих дикие земли американского мате-

рика к западу от Атлантического побережья — «Пионеры».

Новая книга принесла ему всемирную славу. Землевладелец превратился в профессионального писателя. Интересно, что первый морской роман Купера «Лоцман» тоже родился благодаря спору. Купер с женой были приглашены к богатому нью-йоркскому книголюбу Чарлзу Уилксу. Новинки литературы обсуждали во время обеда. Разговор шёл о Вальтере Скотте и о его книге «Пират».

Все недоумевали: Вальтер Скотт никогда не был моряком. Он был судьёй и проводил свободное от заседаний время или в своём кабинете над рукописями, или в светских гостиных. Откуда же он так хорошо знает море?

— Да он вовсе не знает моря! — воскликнул Фенимор Купер, перелистывая книгу. — В тексте наберётся от силы десятка три морских терминов, которые могут поразить сухопутного человека. А морские сцены занимают совсем мало места. Сэра Вальтера выручает талант рассказчика. Он так ловко вставляет морские словечки в текст, что кажется, будто пишет морской волк.

— Вот именно! — сказал Чарлз Уилкс. — Если бы сцен на море было больше, а герой беспрерывно ввёртывал бы в речь бом-брамстенги, шкоты и кливера, сухопутный читатель заснул бы над такими страницами. У сэра Вальтера тонкий вкус.

— А я в это не верю! — сказал Фенимор. — Мне кажется, что роман, всё действие которого будет происходить на море и герои которого будут говорить только на «морском» языке, может быть не менее захватывающим, чем всякий другой.

— Для моряков может быть, но не для нас, — сказал Уилкс.

По дороге домой Фенимор сказал жене:

— Я так и не смог ничего доказать. Придётся написать мор-

ской роман. Только так я покажу, чего может добиться в этом жанре моряк.

Спор за обедом закончился созданием первого в мировой литературе морского романа.

Вскоре Купера назначили американским консулом во Францию, он уехал в Европу и прожил там семь лет. Он побывал в Англии, Италии, Швейцарии, Германии, познакомился со знаменитыми европейскими писателями, в том числе и с Вальтером Скоттом. Он писал путевые очерки и романы из европейской жизни, которые сейчас уже почти забыты. Там же, в Европе, он закончил вторую книгу о своём любимом герое — вольном охотнике лесов и прерий — Зверобое, или Кожаном Чулке.

Возвратившись в Америку, он увидел, что девственные некогда леса в штате Нью-Йорк поределели под топорами поселенцев, а частью и вовсе выжжены. Что остатки индейских племён или истреблены полностью, или влачат жалкое существование. Что в американском обществе началась безудержная погоня за деньгами, которая порожидала цинизм, продажность и лицемерие.

И тогда Купер решил бороться своим пером с тем, что он считал гибельным для своей страны.

Кроме романов о Кожаном Чулке «Следопыт» и «Зверобой» изпод его пера одна за другой появляются критические статьи. Они были настолько беспощадны, что скоро их перестали печатать. А потом из библиотек начали изымать его книги.

«Так я разошёлся со своей страшной...» — с грустью признавался Купер в одном из писем.

Он умер в 1851 году в своём родном Куперстауне (на месте отцовского имения вырос целый городок), оставив читателям всего мира огромное количество романов. Многие из них не выдержали испытания временем и забыты, но «Шпион», «Лоцман» и пять книг

об индейцах и вольном охотнике лесов Натаниэле Бумпо — Кожаном Чулке — стали классическими произведениями мировой литературы.

Бальзак «рычал от восторга», читая романы Купера. Лермонтов находил в них больше глубины и художественной ценности, чем в романах Вальтера Скотта. Белинский сравнивал Купера с Шекспиром. Горький говорил, что «безграмотный Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в

ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

Книги Купера сейчас знают и любят ребята и взрослые всей нашей огромной страны. Потому что Честность, Мужество и Самоотверженность, воспетые писателем, всегда остаются Честностью, Мужеством и Самоотверженностью в любом уголке земного шара, где живут люди.

Николай ВНУКОВ

Проще дела я не знаю

Каждый день твердят мне в ухо:
— Вымой пол, да вытри сухо.
Проще дела я не знаю,
Два ведра я выливаю,
И стремительным потоком
На пол хлынула вода.
Размелись по паркету
Волга, Дон и Ангара.
Я калоши надеваю,
Дон в калошах проплываю,
Чтобы Волга не скучала,
Отвожу рукав я вправо.
Волга с Доном подружились,
Воды встретились и слились.
Долго строил ГЭС, плотину,
Гибкий мост через стремнину.
Вдруг в разгар игры — звонок,
И бабуля на порог.
Стёрты тряпкой Волга, Дон —
Были реки или сон?

Рис. Л. Московского

Дима БАРАТОВ,
4 «б» класс, школа № 1

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Ефиму Ефимовскому 32 года. По профессии он инженер, а по призванию — поэт-сатирик. Вот уже восемь лет пишет и печатает он свои весёлые стихи в газетах и журналах, успешно сотрудничает в «Боевом карандаше».

Он любит науку и технику не меньше, чем поэзию и юмор, и эта любовь рождает стихи, в которых говорится с улыбкой о серьёзном. Сейчас вы познакомитесь со стихами, в которых поэт с юмором рассказывает... о великих учёных и великих научных открытиях.

Ефим Ефимовский — участник I Всероссийского совещания молодых сатириков и юмористов.

ЕФИМ ЕФИМОВСКИЙ

Рисунки Ю. Бочкарёва

Изобретатели

Короткие истории.
Серьёзные. Шутливые.
Про опыты начальные

и про умы пытливые.
Про важные события
и главные открытия.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

*В пещеру вошёл — неказист,
невысок.*

Стал молча развязывать шкуру.

— Чего ты ещё изобрёл?

— Колесо.

Старейшины глянули хмуро:

— А мы на охоту как раз собрались.

— Так вам колесо не помеха.

— Ну вот что!

Бери ты его и

катись!..

*Смотрите! И вправду
ПОЕХАЛ!*

СЛУЧАЙ С АРХИМЕДОМ

Архимед решил помыться.

Архи

был старик рассеян.

В ванну полную воссел он.

И вода по плитам белым

разлилась,

под дверь сочится.

В это время в дом стучится

Эмпедокл — сосед почтенный.

Удивясь картине странной,
рассуждает гость незванный:
— Чтобы воду лить из ванной,
даже в праздник Посейдона,
даже в день бесспорно банный —
нет ещё у нас закона!
— Эврика! —
вскричал учёный.

УАТТ НА КУХНЕ

Уатт на кухню вышел,
где жар, и пар, и чад.
Где чайник медный пышет.
Вдруг замер Джеймс Уатт.
Не чайника кипенье —
машины слышит шум.
Как будто озаренье,
сквозь чайника шипенье
отличное решение
пришло ему на ум.

Не важно, что случайно,
а важен результат.
И важно то, что чайник
увидел Джеймс Уатт.

(Окончание следует)

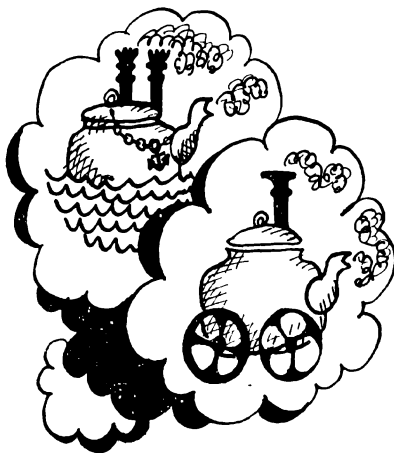
И, случайность исключая,
погрузил того соседа
в жидкость. Снова наблюдая,
как вода достигла края!
А сосед сидел чихая,
В суть закона
Архимеда
архимедленно вникая.

ПРОФЕССОР МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВ

Ломоносовым подан репорт:
«Мне потребно десяток реторт,
соли пуд, купоросу, угля —
всё химических опытов для.
И дубовых досок для полов».

Отпустим —
пятнадцать рублёв.

И профессор работал как чёрт,
Через месяц представил отчёт:
Что потратил — в отчёте есть.
А что сделал —
потомкам не счесть!

О газете «Искра» знает каждый школьник. Она была основана Владимиром Ильичём Лениным, и это было первым шагом в создании партии большевиков.

Войдём в музей, остановимся перед витриной, где лежит самый первый номер газеты. Простым строгим шрифтом напечатано — «Искра». Справа от заголовка — эпиграф — «Искры возгорится пламя». Это — строка из ответа декабристов Пушкину. Слева указано, от имени кого говорит газета, — «Российская социал-демократическая рабочая партия». Внизу дата — декабрь 1900 года. А вот число, когда вышла газета,

Минуло более полувека со дня выхода первого номера «Искры». Немецкие историки, граждане Германской Демократической Республики, обратились к историкам Советского Союза:

— Существует легенда, будто бы первый номер русской революционной газеты «Искра» был напечатан в Лейпциге. Так ли это!

— Это не легенда, — ответили им. — Действительно Владимир Ильич Ленин, будучи в эмиграции, организовал в 1900 году печатание «Искры» в Лейпциге.

Естественно, немецкие историки заинтересовались подробностями и прежде всего захотели узнать, в какой типографии печаталась газета. Ведь в Лейпциге уже и тогда их было множество. Однако о типографии, которой воспользовался Владимир Ильич, никто не знал. Ленин никому не раскрыл её адреса.

Стали расспрашивать жителей Лейпцига. Начали с того, что разыскивали, одного за другим, рабочих всех существовавших в Лейпциге в 1900 году типографий — в живых остались немногие. Это были глубокие старики. Они горячо одобряли поиски, хотели помочь, но ни один из них не слышал о такой типографии.

Обратились к помощи печати. В 1952 году по поручению товарищей научный сотрудник исторического музея Лейпцига Фридрих Донат опубликовал в газете статью с призывом к горожанам сообщить в редакцию любые сведения о типографии, где была напечатана ленинская газета «Искра»...

В конце концов поиски увенчались успехом.

Об этой необыкновенной истории вы узнаете из рассказа Николая Григорьева «Первая „Искра“». Это рассказ о рабочей солидарности, о дружбе.

Нам особенно приятно напечатать рассказ в год, когда торжественно отмечена 30-я годовщина создания Германской Демократической Республики.

Николай ГРИГОРЬЕВ

Рисунки Ю. Шабанова

Первая «Искра»

КАЗАЛОСЬ, день был потерян. Ни одна из лейпцигских типографий не могла тайно напечатать русскую политическую газету.

Владимир Ильич вышел уже на окраину города, устало передвигая ноги, шагал по пустынной улице. Поравнялся с каменным сарайчиком, в каких устраиваются ремесленники: кузнецы, столяры, сапожники, глянул ненароком в низко расположенное окно. По ту сторону окна, держась ближе к свету, трудился человек в рабочей блузе. Перед ним ящик с клеточками. Мелькала рука со щипчиками, выхватывая то из одной клетки, то из другой буковки-литеры... Сомнений не оставалось: «Наборная касса, наборщик... Следовательно, внутри — типография!»

Владимир Ильич открыл калитку, вошёл во двор и сел на садовую скамейку. Ноги тут же от усталости загудели. Его вежливо окликнули: «Господин, не заблудился ли?»

Владимир Ильич ответил по-немецки, мигом войдя в роль случайного прохожего:

— В самом деле — где же я? Город незнакомый... — И рассмеялся, как бы над своей простоватостью: — Заблудился.

Перед Владимиром Ильичём был тот, кого он увидел в окне у наборной кассы. Человек вышел из сарайчика належке, — видимо, лишь для того, чтобы выяснить, кто же забрёл во двор. От его блузы пахнуло на Ленина типографской краской — такой желанной...

— Вы в Простхайде, — сказал типографщик, — это предместье Лейпцига. А чтобы возвратиться в центр, вам придётся... — И он стал обстоятельно, с явным намерением помочь незнакомцу, объяснять обратную дорогу, подсказывая, как её спрямить.

Владимир Ильич тем временем изучал собеседника. Тот был молод, примерно одного с ним возраста, так же рыжеус, только без бороды, опрятный, с располагающей улыбкой человека прямодушного. «Это же рабочий», — сказал себе Владимир Ильич, и ему чуть было не изменила предосторожность. Он уже встал со скамьи и с конфиденциальным видом шагнул к типографщику, но спохватился — назвал себя учителем из России.

— Ученики, — сказал он, — распущены на рождественские каникулы. В моём распоряжении две недели, вот и путешествую. В Германии есть что посмотреть. К тому же, преподавая немецкий, надеюсь за это время несколько усовершенствоваться в языке.

— Прекрасно! — похвалил его немец и намеревался ещё что-то сказать, но в это время с треском распахнулась дверь сарайчика, и наружу высунулся мальчишка.

— Господин Рау, уже готово! — выкрикнул он. — Можно печатать!

Ломающийся от возраста голос мальчугана сорвался на петушиный. А сам каков! В противоположность опрятному господину Рау, весь в пятнах типографской краски, на лице отпечатки грязных пальцев. Глянул на него Владимир Ильич и расхохотался. Тот насулился и показал язык.

А господин Рау уже протянул руку, сказал «до свиданья». Затем, дойдя уже до двери, обернулся и пригласил вновь побывать в Пробстхайде, сказал, что именно здесь, в окрестностях посёлка, в 1813 году происходило Лейпцигское сражение: мол, есть тому и памятники.

— Не надо и пешком. Сюда конка ходит. Приезжайте!

ДНЁМ ПОЗЖЕ, покупая в городе газеты, Владимир Ильич заметил у продавца газету скромного вида. Рабочая спортивная газета — Ленин и не слышал о такой, принялся с интересом её рассматривать. Продавец, видя удивление покупателя, рассказал, что газету издаёт Социал-демократическая партия Германии.

Расплатился Владимир Ильич с газетчиком и свернул в сквер. Сел на скамью, заслонённую зеленью, развернул спортивную газету. Прикинул на взгляд её формат — небольшой, понравился, искал адрес, где газета печатается... И, удивлённый и обрадованный, увидел адрес вчерашнего сарайчика-типографии господина Рау: «Руссенштрассе, 48».

Новая встреча с владельцем типографии. На этот раз беседа была откровенной — социал-демократ говорил с социал-демократом. Рау сказал, что просит называть его «товарищ Герман», и не удивился, что у русского учителя объявилось столь рискованное дело, как издание нелегальной газеты. Понимающе усмехнулся: конспирация есть конспирация...

Встреча происходила в квартире у Германа Рау за чашкой кофе. Владимир Ильич назвал денежную сумму, которой он вправе распорядиться для печатания газеты. Была она весьма скромной — и Рау замялся: заказ невыгоден, а он владелец типографии и, естественно, признаёт только прибыльные заказы. Но с другой стороны... Напряжённое лицо человека выражало колебания.

Владимир Ильич деликатно молчал. «Кто же возьмёт верх, — думал он, — господин Рау или товарищ Рау?» Но вот лицо собеседника прояснилось. Он залпом допил кофе и объявил:

— Принимаю, товарищ русский учитель, ваш заказ. — Помедлив, добавил: — Как социал-демократ. Из пролетарской солидарности.

Владимир Ильич достал купленную спортивную газету и разгладил её ладонями на столе. Формат для «Искры» подходящий, а бумагу Владимиру Ильичу хотелось поставить поплотнее обычной газетной. Ведь номер «Искры», который тайными путями попадёт в Россию к рабочему, будет передаваться из рук в руки, читаться многими. Однако плотная бумага должна быть вместе с тем тонкой, чтобы пограничный жандарм, даже обыскивая человека, везущего «Искру», не обнаружил бы газету, ни запрятанную в чемодане, ни вшитую в подкладку пальто или костюма.

Соображения эти Владимир Ильич не стал высказывать вслух, а просто сказал, какая бумага желательна для русской газеты.

— Бумага в Лейпциге найдётся на любой вкус, — сказал Рау, — об этом не беспокойтесь, бумагу я приобрету. А шрифт припасён у вас?

Вопрос озадачил Ленина. Рау объяснил:

— Русского шрифта я не держу, мне он не надобен. И в продаже он редкость...

Возникло препятствие, какого Ленин не ожидал, и, кажется, серьёзное...

А Рау продолжал, как бы размышляя вслух:

— Заказы из России бывают, но выгодны они лишь крупным фирмам — там и ассортимент русских шрифтов, и особый персонал в типографии... — Помолчав, добавил: — Знаю фирму, где печатают библию для России, — но ведь не придёшь, не попросишь мешок шрифта. Сразу: «Кому? Куда? Для чего?» — и угодишь в полицию.

Можно себе представить огорчение Владимира Ильича, но он нашёл в себе силы даже улыбаться. Терпеливо ждал, что Рау предложит... Но тот назвал новое препятствие.

— Шрифта у вас нет, товарищ русский учитель. Впрочем, если бы вы и со шрифтом приехали — мало пользы. Нужен наборщик, умеющий набирать русский текст. Поставьте, к примеру, меня к кассе с русскими литерами. Только запутаюсь, дело испорчу. Для меня что китайская грамота, что русская — никакой разницы...

Пришлось Владимиру Ильичу уехать ни с чем.

ВСКОРЕ ЛЕНИН возвратился, но уже не один.

— Знакомьтесь. Товарищ Иосиф Блюменфельд, наборщик, партийная кличка товарища — Вернер.

Рау понимающе кивнул:

— Будем звать Вернером.

И шрифт был найден. Но в центре города, в тайнике. Не ближний край — перетащить мешок свинца в предместье! Сколько встречаемых пешеходов, гуляющих, любопытных и просто зевак надо миновать...

Решено было переправлять шрифт в Пробстхайде по частям, чтобы, в случае провала носильщика, не лишиться всего.

МАЛЬЧИКА в типографии звали Макс Пуршвиц. С появлением таинственного господина из России он потерял покой. Зачем приехал, о чём русский и хозяин шушукуются, запираясь в кабинете, — это же каждому интересно! А тут ещё господин Рау вздумал Макса припугнуть. «Осрамил, — говорит, — меня перед гостем, с перепачканной рожей, грязнуля, высунулся... Не смей ни подходить к нему, ни вопросы задавать!»

После такого внушения Макс понял, что ему с собой не совладать: тайна должна быть раскрыта — иначе он не мужчина, а дрек! Но на хозяина обиделся: грязнулей обозвал... А он, Макс, рабочий человек — на работе, кругом эта краска прилипчивая — тут и божий ангел в своих светлых одеждах станет на чёрта похож!

Загрузил мальчуган, но ненадолго. Во дворе появился ещё один иностранец — это был Иосиф Блюменфельд. У Макса ёкнуло сердце: почуял — тайна близится к развязке... Но в чём она? Только бы не прозевать!..

Новый человек пришёл в типографию, наклонился над наборной кассой. Поковырялся в литерах — и заворчал, чем-то недовольный. Макса такое пренебрежение к типографии задело.

— Ещё и не нравится. Ишь ты какой! — сказал он по-немецки.

Пришедший повернулся к нему, а на лице беспомощная улыбка. Не говорил иностранец по-немецки. Потом ткнул себя пальцем в грудь:

— Вернер...Вернер!

На том и разошлись.

Прошло несколько дней. Однажды Макс не спалось. Вертелся. вертелся, но холодно, декабрь, не согреться. Встал, оделся. Ещё рано, типография закрыта. Глядит, а Вернер со двора зашагал. Макс крадучись устремился за ним...

НА ОДНОЙ из центральных улиц Лейпцига появился старьёвщик. Он катил перед собой тележку с мусором. Под брезентом была грудa костей, какие выбрасывают из кухонь на помойку, и рваная, выношенная обувь, тоже сваленная в кучу. Шагал старьёвщик с трудом. В этом сгорбленном старике трудно было узнать щеголеватого Иосифа Блюменфельда — Вернера.

Вместе с ним, помогая толкать тележку, столь же понуро брёл мальчуган-оборвыш, ясно кто — Макс Пуршвиц. На этот раз он измазал лицо в своё удовольствие. За спиной на лямках у него был мешок, из которого тоже торчала старая обувь.

Туманное декабрьское утро прояснилось. На улицах появились прохожие и заспешили по своим делам. Некоторые брезгливо коси-

лись на тележку с отбросами. Вдруг полицейский. С бранью преградил дорогу старьевщику.

— Шуцман... — обомлев, простонал мальчуган и кинулся в сторону, — ведь в заплочном мешке у него не просто рваная обувь — в ботинках по узелку русского шрифта. Охваченный ужасом, он мог бы наделать глупостей и лишиться драгоценной ноши... Но тут над головой прогремело: «Прочь с дороги!», и мальчика полоснул кнутом кучер проезжающего экипажа. Ахнув от боли, Макс схватился за окровавленную щеку — и пришёл в себя.

Видит: шуцман требует поднять тряпичное покрывало на тележке, и Вернер — делать нечего — подчиняется. А сам мычит, прикинувшись немым (опасается обнаружить незнание языка), мычит и машет Пуршвицу — зовёт на помощь. А мальчишка словно и не слышит. Затаясь, глядит на руку шуцмана. В ней жезл. Вот тычет жезлом в груды костей. Разворошил кости... А рядом рваные ботинки. Только бы не тронул — они тяжёлые, сразу заподозрит неладное. А в каждом — шрифт...

Макс почувствовал — нечем дышать. Жадно втянул воздух... Так и есть — жезл приближается к ботинкам...

— Господин шуцман, — в отчаянии закричал мальчуган, — они вонючие, из помойки!

Полицейский от внезапного крика вздрогнул. Отдёрнул руку с жезлом и принялся ругать мальчугана.

Макс — в слёзы... Конечно, Вернеру не следовало останавливаться. А если уж задержан — тут же сказать по-немецки выученную фразу: мол, «извините, заблудились, нам на клееварочный завод!» И никакому шуцману не пришло бы в голову ковыряться в отбросах — прогнал бы мусорщиков с центральных улиц и только... Но оба оплошали: Вернер некстати прикинулся немым, а Макс словно онемел от потрясения. Вот и дождались обыска.

Казалось, провал операции по доставке шрифта неминуем. И вдруг — спасение... Спасли драгоценный груз, сами того не подозревая, прохожие. Отбросы на тележке, расковыренные полицейским, так засмердели, что из толпы прохожих посыпались протесты, и ревигому стражу порядка пригрозили, что на него пожалуются в магистрат. Шуцман сразу сник. Вылупил устрашающе глаза на старьевщиков и процедил:

— Пошли прочь!

ТИПОГРАФИЯ Германа Рау небольшая, теснится в двух комнатах. Печатная машина за перегородкой. Сквозь стеклянную дверь видно чугунное колесо с рукоятью. К рукояти становится человек, вращает колесо, и машина, постукивая, приходит в движение. Печатник пускает под крутящийся вал листы бумаги, на них оттискивается текст, а по другую сторону вала приспособление, похожее на грабли, укладывает в стопку отпечатанное.

Однако торжественный момент печатания «Искры» ещё не наступил. Идёт подготовка.

Владимир Ильич принёс статью, которой дал название: «Насущные задачи нашего движения». Её будут изучать и изучать рабочие России, таясь от полиции, жандармов, агентов охраны. Это — главный материал в газете. Рядом встанет рассказ о Вильгельме Либкнехте. «Старейший вождь германской социал-демократии», — сказано о нём.

Владимир Ильич подготовил материал и для обратной стороны газетного листа. Всё написанное вручил Блюменфельду. Они улыбнулись друг другу. Иосиф помедлил, набираясь духу, и принялся старательно, не торопясь, делать набор. Будто выклёвывал щипчиками из гнёзд нужные литеры.

Полученный шрифт поместили на чугунной плите — талере. Выровняли и скрепили металлической рамкой. Каждая литера стояла очком вверх. Смазали набор типографской краской и наложили на него лист бумаги. Оставалось, чтобы получить пробный оттиск, двинуть поверху тяжёлый цилиндр-каток. И тут к тискальному станку прорвался Макс Пуршвиц...

Можно было понять возбуждение мальчугана, который и мучившую его тайну раскрыл (секретный заказ на русскую газету!), и в старёвщика превращался, и едва в лапы грозного шудмана не попал, — словом, пережил столько несчастий и радостей, сколько за жизнь свою не знал... Так как же ему, человеку рабочему, не присоединиться к тем, кто готовит газету для рабочих России.

А работа по выпуску газеты продолжалась. Оттиски и первой, и второй газетных полос взял Владимир Ильич и перешёл в переднюю комнату, чтобы, как говорят полиграфисты, «держать корректуру». Он сел за большой стол, разложил перед собой листы, обмакнул перо в чернильницу и углубился в чтение.

В сторонке присел Блюменфельд. Вспомнилось ему пожелание Владимира Ильича, которое, к сожалению, не удалось выполнить. Владимир Ильич рассчитывал печатать «Искру» мелким шрифтом-петитом. Хотелось ему, чтобы газета, при небольшом своём формате, вмещала бы много материала. Но немецкие товарищи сумели раздобыть только боргес — шрифт более крупный. Владимир Ильич сказал: «Спасибо и на этом». И тут же предложил, насколько только возможно технически, сузить поля газетного листа; сразу стало просторнее для текста, влез в боргес.

Декабрьский день короткий, начинало вечереть. Герман Рау зажёг над столом керосиновую лампу и плотно завесил окна. Проверил, заперта ли дверь наружу.

Тишина... Ленин работает.

Вдруг в типографии постучались. Владимир Ильич вопросительно взглянул на Германа. Тот шагнул к двери... Оказалось, это опять Макс. Мальчишка мышью проскользнул в соседнюю комнату.

НАКОНЕЦ, печатная машина, заново смазанная, пущена в ход. У рукояти колеса Макс Пуршвиц. Взглянуть на мальчишку — ну, разумеется он держится здесь главным: не закрути он колеса — и машина ни с места. Второй человек у машины — печатник. Это сам хозяин Рау. Пошла машина. И вот первый отпечатанный лист... Это ещё не газета — только лицевая её полоса, но Владимир Ильич взял лист, любуется его видом, делаясь впечатлениями с Блюменфельдом. Наборщик обрадован: всё идёт без замечаний.

Печатание газеты продолжается. Блюменфельд в помощь Максу встаёт к колесу машины. Они уже друзья — сдружил их поход за шрифтом. Растёт стопа листов. Но вот заготовленная для «Искры» бумага кончилась. Надо ещё раз пропустить листы под вращающийся вал, но уже обратной стороной.

Наконец, печатание первого номера «Искры» закончено. Все устали, но счастливы. Произошло это 24 декабря 1900 года, в канун нового столетия.

Владимир Ильич и Блюменфельд сразу же, упаковав тираж «Искры», уехали из Лейпцига. Следующие номера газеты Ленин печатал в других местах: сперва в Мюнхене, затем в Лондоне, потом в Женеве... Царские ищейки так и не дознались, где выходит опасная для самодержавия революционная газета.

В ЭТОМ СЕДОМ и больном человеке едва ли можно было узнать бывшего проворного мальчугана и озорника из типографии в Пробстхайде... Прочёл Макс Пуршвиц в местной газете статью Доната — и задумался... Сколько времени уткло — и вспомнили! Как же быть? Не с кем и посоветоваться. Все трое — и Герман Рау, и Вернер (Блюменфельд), и он, тогда подмастерье, дали Ленину слово о печатании «Искры» в Пробстхайде нигде, никогда и никому не проговориться. Но Германа уже нет в живых, Вернер, с которым он, Пуршвиц, подружился, как уехал с Лениным, так и весточки о себе не подал... Где его искать, да и жив ли он?..

Получается, что тяжесть клятвенного слова теперь только на его совести. Задумался, оттягивая решение. Потом перечитал статью в газете, сказал себе: «Надо решать». Недолго ведь и ему уже осталось жить. Что же — унести тайну типографии с собой в могилу?

— Нет, — сказал он себе, — совесть моя снимает с меня клятвенное слово. О том, где впервые напечатана «Искра», должны знать люди.

И редакция газеты получила письмо. Оно было подписано: «Макс Пуршвиц, ветеран рабочего движения в Германии».

К ПУРШВИЦУ приехали историки — сразу несколько человек. Старик степенно их встретил, рассадил, и началась беседа. Выслушали историки его рассказ, заполнили записями свои блокноты, старик даже устал от жарких рукопожатий.

Поехали на место.

— Руссенштрассе...Руссенштрассе, 48! — нетерпеливо повторяли историки, радуясь удаче.

Вот и Пробстхайде. Вышли из машин — и Пуршвиц перед каменным сараем. Здание показалось ему иным, чем было. И пониже, и поплоче, и стены с обвалившейся штукатуркой. Но номер — 48, сомнений нет — это типография Германа Рау.

— Да ведь это столярная мастерская! Геноссе Пуршвиц, вы ошиблись!

Старик вздрогнул, схватился рукой за грудь... Вновь смотрит на номер. Твердит: «Нет, не ошибся! Посмотрите сами: сорок восемь, Руссенштрассе, 48!..»

Но лица историков уже замкнулись в недоверии к нему. Экспедиция не удалась. Люди сели в машину, чтобы ехать обратно. Предложили и старику место в машине. Но, опозоренный, он на приглашение не ответил. Машины уехали.

Пуршвиц побрёл во двор. С опаской огляделся — тот ли?.. За полвека многое изменилось, но что-то осталось — знакомое... Старик взбодрился — и вошёл в каменный сарай. Взвигивание пил, стук молотков, скипидарный запах стружки... Да, от типографии ничего не осталось, и две комнаты превращены в одну обширную. Заговорил с рабочими, его отправили к мастеру.

— Вы пожилой человек, — волнуясь, заговорил Пуршвиц, — и, быть может, слышали, что здесь была типография?

Тот недоверчиво усмехнулся:

— Не слышал. Это когда же?

— Назад тому пятьдесят лет. В девятисотом...

Мастер выводил старика, как сумасшедшего.

В РЕДАКЦИЮ лейпцигской газеты пришла старушка. Дрожащими руками вынула из сумки порывевшее от времени паспарту¹ с чьим-то портретом.

— Это мой отец, — сказала старушка, обводя глазами работавших в комнате молодых людей.

Один из них встал из-за стола, предложил посетительнице стул, взял в руки портрет. И старушка, не дожидаясь вопросов, быстро заговорила:

— Вы, как напечатано в газете, разыскиваете типографию. Я пришла помочь вам. Моя девичья фамилия — Рау. А на портрете — мой отец Герман Рау, он владел типографией...

— Какой типографией? — уже заинтересовался журналист. — Где она?

И старушка старательно выговорила:

— Пробстхайде, Руссенштрассе, сорок восемь.

Тотчас ей устроили свидание с Пуршвицем.

¹ Паспарту (франц.) — лист картона или плотной бумаги, на который наклеивают фотографии или другой иллюстративный материал.

— Макс!
— Фрейлен Рау!
И старики обнялись.

КАЗАЛОСЬ, историки удовлетворены. Однако Пуршвиц на этом не успокоился. Он страдал от обиды: натолкнулись на столярную мастерскую — и уже ему нет веры!..

И Пуршвиц повёл историков по посёлку. Они заходили в каждый дом, а Пуршвиц оставался за порогом. Чтоб не подумали, что он подговаривает жителей. Много вспомнили старики. И все они указали на каменный сарай: «Это была типография господина Рау, только очень давно».

Но оборудование типографии исчезло. Кто его выбросил — из разговоров было не понять. Мол, выбросили и увезли за непригодностью, как железный лом...

Историки вновь обратились к тем, кто когда-то работал в лейпцигских типографиях. На этот раз с просьбой помочь музею разыскать плоскочастную машину, какими пользовались в начале века мелкие типографии, и наборную кассу, и тогдашний тискальный станок.

Каменный сарай внутри и снаружи отремонтировали, заново оштукатурили, установили на прежних местах старинное оборудование, не забыли и перегородку поставить...

Типография на Руссенштрассе была восстановлена полностью.

ПЯТОГО мая 1956 года, в День советской печати, в Пробстхайде устремились многие жители города. Как сообщали газеты, перед возрождённой типографией собралось свыше тысячи граждан.

Из Берлина приехали члены правительства.

— Отныне, — было сказано в торжественной речи, — перед нами памятник-музей газеты «Искра». Пусть он будет новым залогом нашей нерушимой дружбы с Советским Союзом.

Затем под аплодисменты собравшихся была перерезана ленточка перед входом в музей. Начался его осмотр. Очередь желавших попасть внутрь не иссякала до позднего вечера.

С тех пор дверь в типографию открыта для всех. Её посетили миллионы граждан Германской Демократической Республики и туристов из разных стран.

К 35-ЛЕТИЮ

День 24 июня 1979 года выдался солнечным, жарким, но более семисот ветеранов шли в пиджаках, в кителях, сверкавших на солнце созвездиями орденов и медалей. И весь город Лодейное Поле стоял вдоль тротуаров, аплодируя этому строю.

Шли герои Свирской победы. Шли в парк. Шли к берегу, где тридцать пять лет тому назад, выдержав тысячедневную оборону, ринулись они на врага. Через реку Свирь — в огонь — к Победе! После торжественного собрания ветераны пришли на крутой берег. И долго сидели, вспоминая то победное лето сорок четвёртого...

Вольт СУСЛОВ

Рис. П. Вискова

Генерал

Видел я, как плакал генерал
На крутом обрыве у берёзы.
Ветерок над речкой пролетал,
Вспыхивали искрами стрекозы,
Расстилась неба бирюза,
Где-то рядом музыка играла...
И какой-то шкет во все глаза
Всё смотрел, смотрел на генерала.
Плакал генерал. Не прятал слёз.
Видел сквозь туманную завесу
Минами истерзанный откос,
Линии траншей поближе к лесу...
Не сквозь слёзы видел — сквозь года,
Как в огне и скрежете металла
И земля родная, и вода
Дыбом перед ротами вставала.
Не с обрыва — с огненной черты
Шли его полки, расправив плечи!
И плоты над речкою, плоты —
Сквозь сплошной огонь врагу навстречу.
Громычал свинцом угрюмый лес.
День клубился, порохом пропахший.
И над Свирью сыпались с небес
Парашиотов белые ромашки...
...Над рекою плакал генерал
У снарядом скошенной берёзы.
А мальчишка недоумевал:
Как же это — генерал и слёзы?..

Б. СЕРГЕЕВ

ЦАРЬ-ТРАКТОР

Всё началось с того, что из Америки привезли большой, красивый ящик. Его начали осторожно разбирать. Сразу сбежался народ. Когда отошла со скрипом первая доска, все, кроме степенного мастера Антоневи́ча, потянулись заглянуть в щель. Интересно было, как же она выглядит — машина для обработки земли — трактор. Про него, конечно, слышали в авторемонтной мастерской «Красного путиловца» (так назывался тогда Кировский завод). Слышали, но видеть не видели даже на фотографиях.

И вот стихли споры, шутки. Машину заправили керосином. Легко завёлся мотор «Фордзона». Покатили заморские колёса по русской земле. А земля эта велика. Трактор для неё нужно много...

«Фордзон» купили, чтобы скопировать образец и делать самим такие же трактора.

Антоневич походил вокруг трактора, постучал пальцем по металлу и, понятно, достал кисет. Долго курил. Долго молчал. Все смотрели на мастера. Он всё так же молчком докурил, аккуратно приотптал окурок и велел расстелить рядом с трактором большое брезентовое полотнище. Машину надо было разобрать до винтика, точно измерить каждую из семисот деталей и отлить, выточить семьсот копий.

А скопировать машину — это не совсем то, что, например, списать у соседа по парте решение задачи...

Пройдут годы, и на заводах Германии попробуют повторить броню и некоторые узлы знаменитого нашего танка «Т-34». Все попытки окажутся тщетными. Но в далёком 1924 году не думали, что кому-то придется брать за образец русскую машину. Ни автомобилей, ни тракторов в России до революции не делали. После гражданской войны и нескольких лет разрухи зарастали бурьяном железные дороги, ржавели заводы. Иголки, гвозди — и те впору было покупать за границей. «Где уж тут братья за трактор!» — говорили многие.

«Если бы мы могли дать завтра сто тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию!“ — это слова Владимира Ильича Ленина.

Многие месяцы у путиловцев ничего не получалось с трактором. Тут требовались очень хорошие станки, а их тогда в СССР не было. Но были руки таких слесарей, как Иван Иванов. Руками он стал делать то, что, казалось бы, можно сделать только на станке. Он водил по металлу «пылью» — наждачной бумагой с самым мелким зерном. И металл начинал принимать такую форму, какая нужна. Но очень медленно поддавался металл бумаге. Миллион движений — и что? По-

смотреть неопытным глазом, так и не заметишь, что же изменилось за несколько часов работы. Только блестит металл, как рояль, и отражает недовольное лицо слесаря. Он-то видит: далеко не всё ещё так, как надо. Он делает миллион новых движений.

Много было таких терпеливых героев с наждачной бумагой, с напильниками в руках. А были такие, кто смеялся. Птичья, мол, получается работа. Будто собирались клювиком рельс перерубить. Отступился от «Фордзона» даже мудрый мастер Антонец. Невыполнимым объявил тракторный заказ начальник мастерской.

Но такие, как Иванов, работали.

И 1 мая 1924 года вышли из ворот завода две машины с красными колёсами. И сразу — на праздничную демонстрацию. Сборщики, механики всю ночь колдовали над мотором. Не успели зайти домой переодеться. Шли в праздничной колонне в спецовках, рядом с «Фордзонами-Путиловцами», которых уже называли по-свойски Фёдорами Петровичами. Город встретил тракторы такими овациями, что не слышно было порой их оглушительного треска. А потом завод стал выпускать трактора тысячами. Это была одна из побед нашей юной, запальной, героической пятилетки. Первой.

Сейчас, когда идет десятая пятилетка, любой тракторист улыбнулся бы, если бы ему показали «Фёдора Петровича». Ещё бы! Смешной какой-то малыш на колёсах из голого железа, без всякой резины. А мощность мотора — всего двадцать лошадиных сил.

Да ведь и те, честно говоря, не всегда могли показать себя, как следует.

Был случай, когда один из первых наших тракторов оконфузился. В Ленинградской области, в совхозе «Суйда», снимали документальный кинофильм. Режиссёр попросил, чтобы к трактору подцепили упряжку из нескольких лошадей-тяжело-

возов известной породы брабансон. Трактор должен был двинуться в одну сторону, лошади — в другую. Ну-ка, кто кого? Режиссёр и тракторист не сомневались в преимуществе техники. Это преимущество и хотели показать на экране со всей наглядностью.

Соревнование началось. Застрелота кинокамера. И упряжка сытых, весёлых брабансонов... поволокла за собой чадающий трактор.

То ли плохой уход был за мотором машины, то ли пробуксовывали колёса на песчаном просёлке. Так или иначе, но два десятка лошадиных сил, упрятаных в моторе, уступили живым коням, твердо стоящим на земле.

И всё же они сделали своё дело — первые наши трактора. Они кормили страну в очень трудное время. Они распахали межи, когда из лоскутков земли, принадлежавшей крестьянским семьям, возникли колхозные поля.

Прошли ещё десятилетия, и в 1963 году на Кировском заводе опять заговорили о тракторе. Ещё раньше сделали чертежи и показали их в Москве специалистам, ответственным за тракторное дело. Удивились эти специалисты, когда познакомились с существовавшим пока только на бумаге трактором «Кировец» модели К-700. Можно было подумать, что ленинградские инженеры ни одного трактора раньше вообще не видели. Взяли и сделали всё по-своему.

Новая машина должна была стать вездеходной, но вместо гусениц ей нарисовали колёса. А ведь во всём мире конструкторам как будто бы уже стало ясно, как дважды два: только стальные гусеницы в болоте не тонут, в барханах не вязнут!

Кировцы возражали примерно так:

— Гусеничный трактор — тихоход. А мы хотим, чтобы К-700 по асфальту катил почти так же быстро, как автомобиль. Притом груза он должен брать столько, сколько пять автомашин не всегда сvezут.

— Ну, это вы уж слишком, товарищи дорогие! Какой же тогда двигатель хотите поставить?

— На 220 лошадиных сил.

— 220?!

И такого нигде в мире не видели, чтобы столько силищи было у мотора сельской машины. Но вот прошёл и он испытание жизнью, тяжёлой работой. Удостоился всех призов и отличий, какие только могут быть у трактора. И всё же до сих пор удивляет практиков своими возможностями.

...Прошлой осенью на Урале без конца шли дожди. Поля и дороги стали непроезжими.

— Земля человека не пускает, не то что машину. 28 лет здесь живу, а такого не видел,— удивлялся механизатор совхоза «Покровский» Александр Николаевич Сыропятов.

Наконец, выдался день, когда стоявшие на одном поле не первую неделю комбайны сдвинулись с места. Это поле было на высоком месте и подсохло быстрее других. Но бункеры наполнились зерном, и комбайны опять стали. Зерно не могли увезти с поля. Ведь дороги оставались раскисшими.

— Гибнет хлеб. И какой хлеб! Сорок пять центнеров на гектаре! — сказал механизатор.

— До снега поле так простоит. Дорогам не высохнуть. Солнце слабое. Осень... — тихо добавил дирек-

тор совхоза.— Колос осыплется. Ну, центнеров по семь, может, останется, если только от холода уже отвердеют дороги.

В этот момент из берёзового перелеска донеслись звуки моторов. Три «Кировца», как три богатыря, вышли на опушку. Ровно, не переключая скоростей, не взвывая моторами, прошли гиблой полевой дорогой к комбайнам. Забрали зерна пятнадцать тонн каждый, доставили на ток, вернулись к комбайнам. Урожай спасли.

«Кировец» стал главной машиной целины. Благодарны ленинградцам за трактор хлебное Оренбуржье, Поволжье, Северный Кавказ, Кубань. Это действительно вездеход. И отменный сеятель, пахарь. Два десятка специальностей у «Кировца».

В совхозах часто можно услышать о ленинградском тракторе: «честная машина». Значит, на неё можно положиться, как на друга. И значит, честно делают трактор в объединении «Кировский завод» литейщики, станочники, сборщики, сотни и сотни юных и немолодых, разговорчивых и немногословных, быстрых и неторопливых, в общем, очень разных людей.

В последние годы с главного конвейера объединения сходит трёхсотсильный К-701. А в эти осенние дни здесь собирают образец удивительного трактора К-710. В его двигателе будет полтысячи лошадиных сил! Сборкой «царь-трактора» отмечают кировцы финиш десятой пятилетки.

Не похож «Кировец» на «Фордзон». Не похожа десятая пятилетка на первую. Спокойно, уверенно делают сейчас на наших заводах самые сложные машины. Но чтобы пришла эта уверенность, нужна была отчаянная работа таких, как Иван Иванов. Нужны были все деятели предыдущих пятилеток, подобных ступеням лестницы, идущей на высоту.

Рис. Н. Нефёдова

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Была бы прибыль...

Если бы эти два сообщения не появились в газетах почти одновременно, возможно, они так и не бросились бы в глаза, не привлекли бы к себе такого внимания. Но они появились почти рядом, одно за другим, и рассказывали о событиях, о фактах, поразительно похожих друг на друга. Только происходили эти события в разных странах, разделённых многими тысячами километров городов.

Место действия первой истории — Европа, Дания, а точнее — город Икаст. Фабрика детского трикотажа. Главное действующее лицо — владелец этой фабрики — Ханс Сварре.

Долгое время этот человек вызывал в деловом мире удивление и зависть: фабрика его процветала, приносила ему немалые доходы. И это в то время, когда другие подобные предприятия едва сводили концы с концами, разорялись их хозяева.

Тайна удачливости Ханса Сварре оказалась очень простой: на его фабрике работали подростки и даже дети. И платил им фабрикант, конечно же, значительно меньше, чем взрослым. Вот и весь секрет. И ничуть не смущало Ханса Сварре то, что законы Дании запрещают использовать труд детей и подростков. Да и чего было опасаться этому дельцу, если местные власти долго делали вид, что ничего не замечают, ничего не знают!

Так бы и продолжалась деятельность Сварре, если бы не коммунисты. Газета датских коммунистов «Ланд ог фольк» рассказала о том, что творится за фабричными стенами в городе Икасте. И теперь владелец фабрики должен предстать перед судом. Впрочем, пока Ханс Сварре ждёт суда, фабрика его продолжает работать и приносить ему прибыли...

Место действия второй истории — Азия, столица Таиланда Бангкок. Конфетная фабрика.

Здесь, вместе с другими девочками, работает двенадцатилетняя Маэм. Её отец, бедный крестьянин, привёз свою дочь в Бангкок и продал за 80 долларов агентству по найму рабочих. Сначала Маэм работала няней, а потом была продана ещё раз — теперь уже на фабрику.

На фабрике Маэм работала по пятнадцать часов и не получала никакой платы — владелец фабрики говорил, что она ещё должна за постель и пищу.

Многие девочки не выдерживали такой работы. Только за четыре месяца две девочки умерли, а шесть получили увечья.

А что же хозяин! Может быть, он испугался, может быть, в нём заговорила совесть, может быть, он постарался помочь пострадавшим!

Ничего подобного. Девочек, ставших инвалидами, он заставлял работать по-прежнему. По приказу хозяина Маэм и её подруги носили искалеченных девочек к месту работы. Ведь хозяин уплатил за них доллары и не желал расставаться со своей прибылью.

Таких фабрик, где работают дети, в Таиланде немало.

Ну а законы! Или в Таиланде нет законов, запрещающих применять труд детей! Есть, есть такие законы. Предпринимателям запрещено нанимать на работу детей младше двенадцати лет. И то уж — хорошо! Но слишком часто закон оказывается бессилен там, где властвуют деньги.

Однажды на фабрику, где работала Маэм, нагрянула полиция. Министерство труда заявило, что привлечёт хозяина фабрики к суду. Но прошло время, а по сути дела ничего не изменилось. Владелец фабрики на свободе — его отпустили под денежный залог. Агентство по найму, покупающее детей у приезжающих в город крестьян, работает и процветает по-прежнему. А судьба девочек! Она мало кого волнует...

Две разные, две очень далёкие друг от друга страны... И две похожие истории... Потому что как бы ни были различны между собой эти страны, а принадлежат они одному миру — миру капитализма, главный закон которого точнее всего можно сформулировать словами — «была бы прибыль...»

1100 лет тому назад братья Кирилл и Мефодий принесли на земли славян свет письменности и знаний. Азбука, созданная ими для славян, так называемая «кириллица», была столь удачна, что с некоторыми изменениями дошла до наших дней. Когда ты читаешь и пишешь, ты тоже пользуешься кириллицей.

Время, в котором жили Кирилл и Мефодий, сегодняшним людям постигнуть трудно. Учёные и писатели жили при монастырях, храмах. Просвещать народы дозволялось только служителям церкви. И тот, кто мечтал нести людям знание, стать учителем, обязательно становился священником.

Историческая повесть В. Воскобойникова «Братья» — о жизни великих братьев-просветителей, об их борьбе за славянскую письменность. Мы взяли из этой повести главы, в которых рассказывается о юности Кирилла.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Рисунки А. Аземши

БРАТЬЯ

(Главы из исторической повести)

ПРИЕЗД

Здесь всё было пыльным — головы людей, конские попоны, огороды и виноградники по бокам дороги. Уже несколько недель стояла жара, серую землю покрыли трещины.

По древней византийской дороге двигалась группа всадников. Четверо пожилых мужчин в одеждах слуг сопровождали болезненного мальчика лет четырнадцати.

Дорога была многолюдной. Порой их обгоняли другие всадники в богатых шёлковых одеждах. Иногда, наоборот, они обгоняли крестьянские

повозки, запряжённые парой быков прямо за рога.

«Взгляни на слугу, и ты скажешь, кто его господин», — говорила старинная пословица. Эти слуги выглядели побогаче иных господ. К тому же, были они вооружены на случай встречи с лихими людьми. С важностью, достоинством оглядывали они встречающих путников.

Мальчика встречные не интересовали. Лицо его было задумчиво, печально. Хотя одет он был в дорожный плащ из дорогого шёлка, с красивой застёжкой-фибулой, а при взгляде на его коня многие завистливо качали головами, не было в нём ни вельможной гордости, ни царственной осанки.

Следом за этой группой, отстав на полсотню шагов, двигался рослый парень. Громко, сам для себя, он распевал весёлую песню, один и тот же куплет повторил он уже множество раз. Сопровождающие ему были не нужны, рубаха-хитон из грубого полотна, заправленная в пыльные штаны — вот и всё, что было на нём. Встреч с лихими людьми он не боялся, скорее, лихой человек испугался бы, встретившись с ним один на один.

К группе всадников он не приближался, хотя двигались они одной дорогой к великому и счастливому городу, оку земли, царю городов и

солнцу империи — к Константинополю.

Уже видны были его крепкие каменные стены, а за стенами — знаменитые на весь мир дворцы и храмы.

В большом пруду женщины поло-скали бельё. Всадники проехали мимо них равнодушно, парень же приостановился, крикнул что-то весёлое, получил в ответ шутку и лишь затем двинулся дальше.

Но теперь остановились всадники. Слуги достали сосуд с водой, юноша отпил несколько глотков. Парень, совсем уже приблизившись, облизнулся.

— Эй, добрый господин, не оставишь ли и мне глоток-другой?

— Проваливай, пока плети не попробовал, — сказал старший слуга.

— А чего это ты такой важный? — Парень засмеялся в ответ и пошёл вперёд.

— Подождите! — позвал неожиданно мальчик.

Он взял из рук слуги сосуд и протянул парню.

Парень победно взглянул на слуг, запрокинул голову и в несколько глотков выпил всю оставшуюся воду.

— На таких только добро переводить, — проворчал старший слуга с заметной укоризной в голосе.

Парень сделал вид, что этого не услышал. Он вернул сосуд, ещё раз улыбнулся мальчику и сказал:

— Спасибо, господин, может, и я когда-нибудь тебя отблагодарю.

По деревянному мосту всадники проехали над широким рвом и подступили к Золотым воротам — главному входу в город со стороны суши.

Ворота были украшены прекрасными скульптурами, среди них выделялись статуи Геракла и Прометея. Через центральный пролёт проезжал лишь сам император, остальные входили в город через два боковых прохода.

Всадники миновали первый ряд кирпичных стен высотой пять метров. Затем шёл второй ряд стен — высотой десять метров, а за ним — и третий ряд — самые мощные стены, семиметровой ширины. Под ними

можно было водить строем воинов. Это были знаменитые защитные стены, оборонявшие город со стороны суши.

Теперь начиналась широкая, мощённая красивыми каменными плитами главная улица города. Всадники ехали сквозь шумную, пёструю уличную толпу всё так же молча и важно. Лишь мальчик выглядел слегка смущённым. Было заметно, что он боится случайно отстать, затеряться среди прохожих.

Наконец, они свернули к богатому зданию, обнесённому колоннами и всевозможными строениями. Здесь жил логофет¹ Феоктист — главный министр царя Феофила и его наследника, четырехлетнего Михаила. Здесь, в этом дворце, полном роскоши и покоя, ждали мальчика. Для него уже готовилась вечерняя пища, постель.

Весёлый бродяга давно отстал от всадников. С главной улицы он свернул и зашёл в один из кабачков. Таких кабачков в Константинополе было множество. Там сидела шумная компания гуляк — небогатые рыбаки да подённые рабочие. У пришельца денег не было, зато на столе у гуляк стояло вино, рыба и овощи.

Скоро он стал своим в компании. Вместе со всеми громко хохотал и хлопал рукою по столу в споре.

Город незаметно темнел, прохожих становилось меньше. Но в кабачке было всё так же шумно, дымно и весело. Чтобы пьяные гуляки не мешали покою горожан, к часу ночи кабаки полагалось закрывать — так постановили власти.

И только в час ночи, выйдя из кабака, беззаботный парень подумал о ночлеге.

— Лягу-ка я, пожалуй, здесь, у дверей, — сказал он.

— Здесь нельзя, — стал отговаривать его собутыльник.

— На прошлой неделе один такой лёг, ему голову отдавали.

— Тогда я к тебе пойду, — не стал спорить парень.

Они прошли по тёмной смрадной улице. Улица была узка и казалась

¹ Логофет (греч.) — министр.

душным ущельем среди высоких домов. По иссохшей деревянной скрипучей лестнице поднялись они на третий этаж в узкую каморку.

В маленькое окно светила луна. Парень огляделся: комната была пуста, лишь затёртая циновка у стены.

— Ты, как гость, ложись, где мягче, а я — в углу, — предложил хозяин.

Они немного поспорили, кому где спать, так что в стену им недовольно постучали соседи. Наконец, парень силой уложил хозяина на циновку, а сам улёгся на голом полу поперёк комнаты. Он потянулся, зевнул громко и немедленно заснул.

Мальчика, которого ждали во дворце, звали Константином. И никто не мог предположить в тот вечер, что пройдёт немного лет и откажется он от богатой знатной жизни, сам выберет себе другую, полную тре-

вожных поисков, ночных терзаний и великих дневных трудов. А перед смертью сменит имя — назовётся Кириллом.

Беззаботного пришельца, заснувшего на полу в нищенской каморке, звали Василием. Любой бы засмеялся тогда, в июньский вечер 842 года, услышав, что этот славянин из Македонии, крестьянский сын, выросший в плену и недавно сбежавший оттуда, взойдёт однажды на императорский престол и ему, как живому богу на земле, станут поклоняться самые знатные и великие люди государства.

ОН ВЫБРАЛ ПРЕМУДРОСТЬ

Когда Константину исполнилось 8 лет, он начал учиться в школе.

В школе учили писать и читать по-гречески, считать. Ещё учили верховой езде, воинским приёмам, соколиной охоте. Пожалуй, эти предме-

ты считались самыми главными. Здесь учились дети знатных родителей, им необходимо было хорошо ездить верхом и знать толк в соколиной охоте.

У Константина был свой кречет. Однажды во время охоты взлетел сокол в небо, пошёл плавными кругами, упал камнем вниз и пропал.

Два дня искал его по полям плачущий Константин — не было сокола, ни раненого, ни погибшего.

— Верно, промахнулся твой кречет, да и попал волку в пасть, — сказал отец, — не печалься, нового заведём.

Но Константин любил только этого сокола. Он часто кормил его мясом и зёрнами, сокол никогда его не клевал, защищал от незнакомых людей, сердито махая клювом.

Теперь у Константина остались лишь книги.

В Солуни — знаменитом торговом городе — проживало много купцов, стояли корабли в порту из разных стран, но учёных людей почти не было.

Вокруг Солуни крестьянствовали, растили хлеб славянские племена, в городе жили мастеровые люди. Они были неграмотны и книг дома не держали. Книга была недоступной роскошью, за неё пришлось бы отдать половину урожая. Многие видели книгу только во время богослужения, её боялись и почитали.

Лишь у зажиточных людей лежали в доме на видном месте две-три книги.

У друнгария¹ Льва, отца Константина, среди прочих, была и «Энеида» — книга Вергилия, великого римского поэта. Она досталась друнгарю как трофей в боевом походе.

— Знаменитые стихи, — говорил с уважением отец, но сам лишь иногда рассматривал папирусный свиток, с трудом разбирал латинские слова, клал на место.

В восемь лет Константин решил прочитать «Энеиду». Он пытался

вникнуть в смысл старинных стихов, написанных на чужом языке, но они оставались непонятными. Константин молился богу, чтобы тот прояснил его разум, но молитвы не помогали.

В Солуни никто не знал латыни. Лишь купцы, повидавшие разные страны, могли говорить понемногу на нескольких языках, но и они не умели читать чужие книги.

Наконец, Константину показали приезжего человека. Говорили, что он знает латинскую грамматику.

Константин стал подстерегать его на улице, ходил за ним следом, но так и не решился попросить о помощи.

Однажды человек сам круто повернулся к нему и сердито спросил:

— Мальчик, мне говорили, что ты сын друнгария Льва, да будет удачлив каждый день его жизни. Отчего ты ходишь за мной по пятам? Или шутку какую задумал?

Константин растерялся и отвечал не сразу.

— Так что тебе надо? Скажи. Ты ведь не зря за мной ходишь?

— Могу ли я попросить поучить меня законам латинского языка, о господин? — начал робко Константин. — У меня есть книга Вергилия, я переписал многие её страницы, но понять их трудно.

— И слава богу! — ответил приезжий. — Да, я понимаю латинскую грамоту и мог бы объяснить тебе каждую фразу, но зачем! Взгляни на меня. Ты думаешь, много мне пользы оттого, что я читал премудрые книги? Я потому и переехал сюда, в незнакомый город, чтобы никто не лез ко мне с учёными разговорами. Люди должны пахать землю, сеять хлеб, делать полезные вещи. И я поклялся никого больше не учить ни грамматике, ни другим наукам. Твой отец действительно друнгарий?

— Да, он друнгарий.

— Вот и становись военным. Чего тебе ещё надо?

— Я хочу постигнуть то, что написано в мудрых книгах, — ответил Константин, и голос его задрожал.

¹ Друнгарий (греч.) — воинское звание. Приблизительно равно полковнику.

— Ну что ж, попробуй,— приезжий усмехнулся так, словно он спорил не с восьмилетним мальчиком, а со взрослым,— только я тебе в этом не помощник. Не хочу, чтобы ты потом во всех бедах своих обвинял меня.

С тех пор приезжий много раз встречал Константина на улицах, и они проходили мимо друг друга — мальчик и взрослый мужчина — равнодушно, словно не было у них этого разговора.

Через год приезжий не выдержал.

— Послушай, мальчик! Ты по-прежнему хочешь, чтоб я научил тебя премудростям латыни? Или уже забыл о своём ребяческом желании?

— Благодарю вас за интерес ко мне, но теперь я изучаю латинский язык сам.

— Ты, конечно, ребёнок. Но даже тебе непозволительно говорить подобные глупости. Как можно самому выучиться незнакомому языку?

— Я взял книгу Григория Богослова на греческом и латыни, сопоставлял их фразы за фразой и уяснил уже многое. Теперь и другие латинские книги понятны мне.

Приезжий постоял в молчаливом удивлении.

— То, о чём рассказал ты, я могу назвать лишь одним словом — это чудо. Обыкновенному разуму такое недоступно.

— Да нет же,— стал возражать Константин,— любой может добиться этого, только надо сильно захотеть.

Константин пошёл дальше, и если бы оглянулся, увидел, что стоит тот приезжий на месте и смотрит ему вслед.

Приснился Константину странный сон.

Будто идёт он по полю, а кругом девушки в ярких солнечных одеждах. Бегают, его не замечая, пересмеиваются.

Константин посмотрел на ближнюю — она такая красавица, всю жизнь бы на неё глядеть, любоваться. Посмотрел на другую — и та красавица. И третья, и четвёртая.

— Это невесты твои,— услышал он вдруг посторонний голос,— выби-

рай любую, обручайся, и будет она верной женой навсегда.

И девушки сразу замерли в ожидании — кого из них выберет Константин?

— Выбирать невесту не рано ли мне? — спросил Константин. — Это дело серьёзное, а я даже имён их не знаю.

— Ты назови имя, девушка и выйдет.

Тихо на поле. Молчат девушки, ждут, чьё имя назовёт он.

— Я выбираю... Софью,— проговорил Константин.

И словно шелест прошёл среди невест:

— Кто из нас Софья? Где Софья? — спрашивали они друг у дружки. Не нашли невесты с таким именем.

Исчезли внезапно девушки, словно не было их минутой раньше. Лишь зелёное поле, да травы качаются от ветра.

Утром Константин рассказал о странном сне отцу.

— Сны чаще обманывают,— сказал отец, подумав,— но если верить твоему, ты выбрал невесту необычную — науку, точнее — мудрость. Ведь Софья — означает премудрость. Но это известно и без твоего сна. Детям надо гулять, а ты весь день сидишь дома над книгами. Конечно, сам Лев Математик похвалил твои способности. А уж людей учёнее его во всей империи трудно найти. Славно, что его прислали в наш город. Он, да дядя его — Иоанн Грамматик, да Фотий — вот трое учёнейших людей государства...

Всё было хорошо в доме у Константина. Весёлый и сильный отец, которого в городе уважали. Мать — по дому она ходила тихо, никогда не сердилась, но слуги её слушались. Умный старший брат Мефодий — он тоже любил науку, но, как и отец, увлёкся военной службой.

Жил спокойно Константин в родительском доме, и казалось ему, что всегда так и будет.

И вдруг отец умер.

Ещё вчера он легко поднимался по лестнице и громко смеялся, а потом неожиданно схватился за грудь, поник. И сегодня его уже нет и не будет никогда...

О смерти отца сообщили в столице дальнему родственнику — самому логофету Феоктисту.

Вскоре прискакали слуги Феоктиста, вручили постаревшей матери письмо. Прочитала она это письмо и снова, как в дни похорон, тихо заплакала. Логофет Феоктист вызывал юного Константина ко двору малолетнего царя.

...При прощании мать старалась улыбаться. Но только слезинки сами вытекали из глаз одна за другой.

Странно — ещё недавно мечтал он очутиться в Константинополе, среди образованных людей, а сейчас страшно уезжать из дома, из родного города, и так хочется броситься назад, домой, к матери.

Оглянулся он первый раз — город был ещё рядом, заслонял небо. И казалось, до каждого строения можно рукой дотянуться, пощупать его стены.

Оглянулся второй раз — дома и крепостные стены слились, стоят вдаль.

Решил он больше не оглядываться, ехал вперёд зажмурившись. Но потом не выдержал. Оглянулся в третий раз — едва виден родной город, словно тёмное облако зацепилось за горизонт.

Слуги Феоктиста ехали рядом с ним молча, делали вид, что не замечают грусти мальчика. Каждый из них тоже когда-то уходил из родительского дома.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Рано утром его разбудил молодой улыбающийся человек.

— Проснись, господин, — сказал он на языке славян.

Пока Константин одевался, умылся, слуга разговаривал не переставая.

— Меня хозяин специально поставил к тебе. Говорит: «Ты молодой, Андрей, и господин молодой. Ты славянин и господин — из Солуни,

где все говорят по-славянски, как по-гречески. А ещё ты ловкий, быстрый и сообразительный. Будешь сопровождать всюду господина, потому что в первые дни в столице он растеряется». Я недавно продал себя хозяину. Отец задолжал тридцать номисм¹, вот я и продал себя. Отец договорился, что после нового урожая он выкупит меня, и я снова стану свободным.

Они стояли в самом центре города. Их ослепляло солнце.

— Сначала, как ты хотел, господин, книжные лавки. Они перед тобой, — сказал слуга Андрей. — Сейчас не все открыты, к вечеру их будет больше.

Константин уже и сам видел столы, лавки, развалы, тянущиеся на площади. Здесь были тяжёлые древние свитки, писанные непонятными знаками-иероглифами, книги арабов, математические таблицы, пьесы древних писателей Софокла и Еврипида, трактаты на духовные темы, молитвенники.

Столько книг сразу Константин видел впервые в жизни.

Он станет ходить сюда ежедневно и постепенно просмотрит всё, решил Константин.

Сейчас они просто шли мимо лавок. Станные люди были у них на пути. Люди разговаривали громко и увлечённо, красиво размахивали руками. Некоторых окружали слушатели.

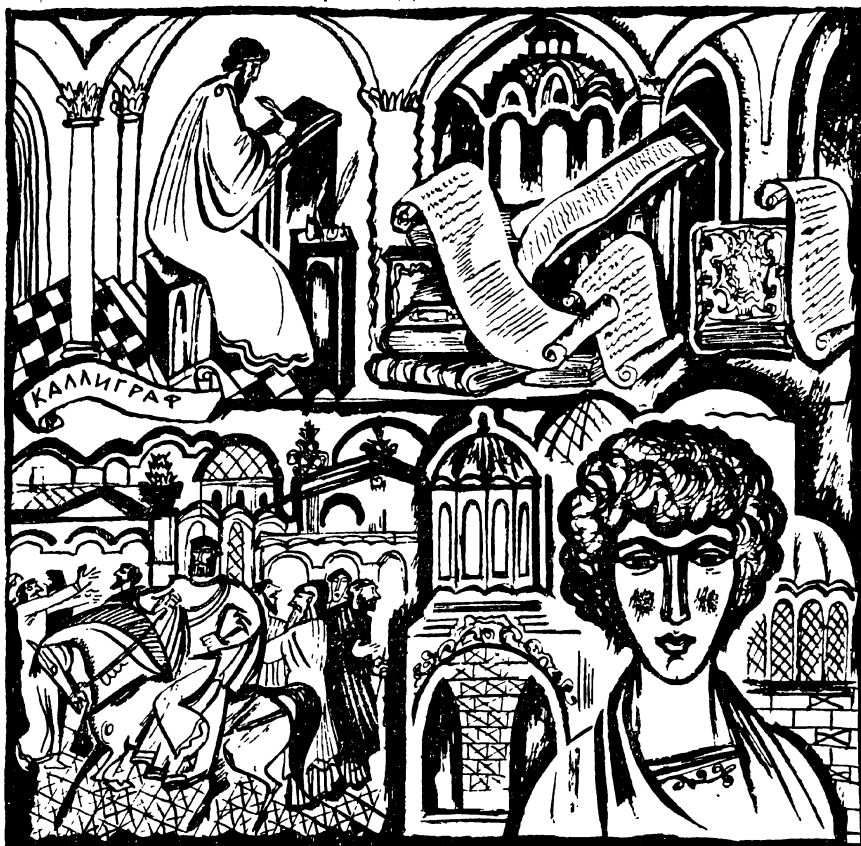
— Что это за люди? — спросил Константин.

Андрей презрительно махнул рукой.

— Это адвокаты, показывают своё искусство, ждут, не найдёт ли их кто вести судебное дело... А вот здесь, господин, — Андрей указал на ряд домов вдоль улицы, — тоже интересное для тебя. Здесь работают каллиграфы, переписчики книг.

И верно, Константин увидел мастерские — эргастерии каллиграфов. Сейчас, в жару, окна и двери были открыты и можно было стать рядом

¹ Номисма (греч.) — золотая монета.

с каллиграфом и смотреть, как он, обмакнув острое гусиное перо в рог, наполненный чернилами, вырисовывает букву за буквой. Потом берёт другое перо, павлинье, отточенное иначе, и выводит на полях цветными чернилами кораблик, голубые волны и золотые солнечные лучи. Это казалось чудом: только что был пустой лист, и вот уже буквы, говорящие о радости, печальной встрече, или о горе и потере близкого человека.

Андрей тоже стоял рядом, громко дыша.

— Почему так, — спросил он, — греческие книги есть, латинские — есть, даже у арабов свои книги, а у славян — нету? Почему бог не дал славянам книгу?

Константин и сам не знал почему. Нечего ему было ответить.

На главной улице, как и вчера, былолюдно.

Армяне, персы, славяне, итальянцы, евреи, арабы работали в лавочках, торговались у прилавков, стояли, подперев стены, и разглядывали прохожих. Хозяева некоторых лавок работали, ссутулив спины, другие сидели у дверей и ждали покупателей, разморённые солнцем, дремали.

Отражая яркие лучи, ослепляли глаза изделия ювелиров.

Потом шли свечные лавки. Хозяева на глазах у прохожих из обломков свечей отливали новые.

Бородатый старик с повязкой на левом глазу выдувал из раскалённого стекла сосуды. Вокруг стояли зеваки. Один сосуд лопнул, и осколок угодил неосторожному зеваке в щеку. Все остальные засмеялись.

Иногда толпа посреди улицы расступалась. Верхом на конях в окружении свиты проезжали важные сановники.

— Господин, позволь обратиться к тебе с просьбой? Зайдём к моему отцу? Мне редко удаётся навестить его, — попросил Андрей.

Они свернули в боковую улицу. Скоро эта улица превратилась в узкую щель между домами. Сейчас, в разгар дня, здесь стояли сумерки и висел удушливый запах, от которого кружилась голова. Здесь жил рабочий люд Константинополя — плотники, рыбаки, каменщики, красильщики шёлка.

Наконец, они дошли до булочной, которой владел отец Андрея.

— Эй, отец, это мой новый господин, он тоже из Солуни, как и ты! — закричал Андрей уже издали.

Отец в это время отпускал два хлеба пожилому мужчине.

— Отец, дай нам воды, господин измучился, пока мы дошли!

— Да не покинет радость тебя, молодой господин! Как хорошо, что ты осчастливил мой дом своим приходом! — поздоровался отец. Потом он повернулся к сыну. — Вода у нас свежая, на обычном месте. Да не из общей посуды дай юному господину попить, а из отдельной — для хорошего гостя.

— А где братья, мама? — спросил Андрей.

— Братья зерно мелют, мать лён прядет.

— Зайдем, господин, помотришь, как мы живём.

Андрей провёл Константина в заднюю комнату. Здесь было прохладнее.

У стены на низенькой скамейке за прялкой сидела пожилая женщина.

— Мама, это мой новый господин, он из Солуни вчера приехал и может говорить на нашем языке.

Женщина сразу заулыбалась, встала.

— Проходите, проходите, дорогие! Я как раз думала о тебе, сон мне снился сегодня: идёшь ты счастливый, побьшь. Я думаю, что за счастье у тебя такое? А это, оказывается, новый господин у тебя. Какой молодой!

Константин смущённо стоял у дверей.

— А у нас неприятность — мы опять задолжали две номисмы, даже зеленщик сегодня ничего мне не дал.

Константин сразу взялся за кошелёк и достал оттуда три толстые монеты.

— Я хочу помочь вам. — Он протянул монеты Андрею.

Андрей взял было радостно эти монеты, потом посмотрел на них и решительно вернул назад.

— Нет, господин, спасибо. Я и так понял, что ты добрый, но свои деньги вы берегите. Я вам от чистого сердца говорю. У нас — свои нужды, у тебя — свои.

— Возьмите, я прошу.

— Что ж, я возьму одну номисму, она очень поможет нам. Но только в долг. А после нового урожая мы вернём тебе полторы номисмы. Мы — честные люди и долги отдавать умеем.

В комнату вошёл отец Андрея.

— Помогите-ка мне мешки передвинуть, — попросил он.

— Господин, я пока отцу помогу, а ты иди потихоньку по улице прямо, я догоню.

Константин вновь вышел на узкую улицу и пошёл назад, к площади. Он шёл не спеша, но Андрей всё не догонял его.

Около площади он увидел новую толпу. Посередине приплясывал юродивый в грязном плаще, надетом на голое тело.

Вокруг юродивого веселились уличные мальчишки, нищие. Они поддразнивали его, кидались мелкими комьями земли.

Константин хотел посторониться, но юродивый вдруг нацелился прямо на него.

— Подай на зубок в голодный роток! — И юродивый протянул к лицу Константина грязную, в язвах и ссадинах руку.

Константина окружили со всех сторон нищие. Здесь были и старики, и молодые парни.

— И мне подай!

— И мне тоже подай, господин молодой!

— Поддай! Поддай! — кричали они и тянули за одежду.

Один встал перед Константином на колени, другой стал хватать за руки, третий потянулся к кошельку.

Все они смотрели в лицо Константину, показывали свои заплаты, дыры на одежде, язвы на теле.

— Я сейчас, сейчас, — Константин торопливо раскрыл кошелек. — Только я не все могу отдать. Я те, что мой, отдам.

— Мне дай! Мне! — закричали нищие.

К ним бежали по улице новые зеваки и новые нищие.

Мужчина, стоящий перед Константином на коленях, выхватил кошелек с деньгами, передал другому, тот следующему, и кошелек исчез в толпе.

— Ещё дай! Ещё! — Мужчина не поднимался с колен.

Нищие не выпускали Константина из круга.

— У меня нет больше. И там, в кошельке, лишь часть моих денег...

— А на груди под одеждой небось другой кошелек?.. — Мужчина хватался руками за одежду Константина. Руки его тряслись, но глаза смотрели холодно и жестко.

Константин испугался этого взгляда и попятился.

— Дай ещё! Помоги голодным и болящим! — Мужчина, не поднимаясь с колен, вновь придвинулся к нему.

И тут Константин услышал зычный голос:

— Чего пристали к господину!

Константин обернулся и увидел рослого парня, который вчера шёл за ним по дороге к городу. Парень тоже узнал его.

— Да ведь и господин знакомый! — Он оглядел нищих и весело добавил: — Никак остригли тебя столичные жители?

Он двинулся в толпу, схватил того сморщенного человечка за руку, и Константин снова увидел свой кошелек.

Парень взял этот кошелек, пересчитал деньги и удивленно покачал головой.

— С такими деньгами, господин, в одиночку по городу не ходят. Вы же... — Он снова повернулся к нищим. — Мало вам пятидесяти оболов¹, что дали в церкви? Да на это до вечера веселиться можно! плотники в три раза меньше зарабатывают. Увидели, что господин молодой да слабый...

Мужчина, стоявший на коленях, быстро поднялся, отряхнул одежду и недовольно нахмурился.

— Я сам подал им, — сказал Константин.

Парень, как и Андрей недавно, сокрушённо вздохнул.

— Не дело это, господин, подавать такую жирную милостыню. Две номисмы мы, так и быть, возьмем, отблагодарим твою доброту. — Парень протянул кошелек Константину. — Держи крепче и не соблазняй бедных жителей.

Он повернулся к толпе, увидел, что все следят за ним с ожиданием, и крикнул:

— Пошли молиться за здоровье доброго господина!

Нищие двинулись за ним следом и скрылись в ближнем кабаке.

Константин оглянулся и, наконец, увидел Андрея.

— Прости меня, мне нельзя было отпускать тебя одного. Если хозяин узнает о том, что было, он прикажет дать мне плетей и будет прав.

— Откуда же он узнает? — удивился Константин.

— Разве ты не расскажешь ему о том, что произошло сейчас?

— Зачем рассказывать, если тот грозит тебе наказанием?

— Спасибо, господин мой! — Андрей схватил руку Константина, поцеловал её. — В который раз за день ты показываешь мне свою доброту!

¹ Обол (греч.) — мелкая разменная монета.

ТИМОТИ — ГРОЗА МЫШЕЙ

Однажды в доме у людей завелась мышь.

— Надо найти кошку, и пусть она поймает её, — решили люди и принесли в дом котёнка по имени Тимоти.

А надо сказать, Тимоти до смерти боялся мышей. Но люди не знали об этом. Они сказали:

— Будь так любезен, Тимоти, поймай нам, пожалуйста, мышь.

Тимоти стало ужасно стыдно. Ну как он скажет, что до смерти боится мышей? Ведь вы понимаете — от котят всегда ждут совсем другого. Вот он и сказал:

— Конечно, я поймаю эту гадкую мышь. Но сначала мне хотелось бы поиграть. Можно, я поиграю немножко?

И Тимоти стал играть в тигра. Он нападал на людей и изо всех сил пугал их. А потом люди сказали:

— Ну, Тимоти, теперь ты поймал мышь?

— Разумеется, — важно согласился Тимоти. — Только я очень проголодался. Не дадите ли вы мне блюдечко молока?

И люди дали ему блюдечко молока. Но потом строго сказали:

— Послушай, Тимоти! Иди и поймай мышь!

Тимоти устал придумывать отговорки. Он вздохнул и согласился.

— Хорошо, — сказал он. — Я поймаю её. Где она прячется?

— Ты должен найти её по запаху, — сказали люди.

Тимоти принялся и облизнулся:

— Ах, как пахнет рыбой!

Он прыгнул на буфет, стащил кусок рыбы и съел его. Он был так рад, что на буфете не было мыши!

— Нюхай хорошенько! — сказали люди, и Тимоти засопел изо всех сил.

— Ох, — блаженно проурчал он, — как снизу тянет теплом!

Тимоти прыгнул в подвал и прошёлся вокруг ларя с углём. Он был просто счастлив, что в подвале не оказалось мыши!

— Ты плохо нюхаешь! — рассердились люди. — Нюхай как следует!

— Уф-ф-ф, уф-ф-ф-ф, — старательно засопел Тимоти. — Как замечательно пахнет свежее бельё в корзине!

Он прыгнул в корзину, поурчал, побарахтался, устраиваясь поудобнее, и заснул крепким сном. И как же хорошо, что никакой мыши там не было!

Но утром, когда Тимоти проснулся, он увидел, что на полу сидит мышка.

— О! — воскликнул Тимоти. — Боюсь, что я должен поймать вас, мисс Мышь!

— Зачем? — тоненьким голосом пропищала мышка.

Тимоти растерялся: как он мог знать, зачем ему велели поймать её?

— А разве вы не плохая Мышь? — строго спросил он.

— Люди почему-то боятся меня, — грустно ответила мышка.

— Я бы тоже хотел, чтобы меня боялись, — признался Тимоти. — И это всё?

— Ещё я ем всякие вкусные вещи, — вздохнула мышка.

— Я тоже люблю всякие вкусные вещи, — облизнулся Тимоти, вспомнив о рыбе, которую стащил из буфета.

— Иногда я шуршу бумагой, — продолжала мышка.

— И я тоже! — обрадовался Тимоти.

— Вот и всё, — грустно закончила мышка. — А вообще я живу тихо и никого не трогаю.

Тимоти задумался.

— А если я вас отпущу, вы не будете больше пугать людей? — спросил он наконец.

— Нет, что вы! — обрадовалась мышка.

— И не будете поедать слишком много вкусных вещей? — сурово продолжал Тимоти.

— Я ведь отгрызаю крохотные кусочки, — пропищала мышка.

— И постараетесь вести себя тихо?

— Да, да! Я буду вести себя тихо, как мышь!

— Ну тогда я не трону вас! — великодушно решил Тимоти.

— О, благодарю вас! — обрадовалась мышка и юркнула в свою нору.

Тимоти вылез из корзины, где он так славно провёл ночь, и пошёл в гостиную, озабоченно поглядывая по сторонам: пусть все видят, что он по-прежнему ищет мышь.

Но люди посмотрели на него и сказали:

— Тимоти — славный котёнок, просто он не может ловить мышей.

А Тимоти им ничего не сказал.

ОБЩИЙ БРАВНИ

Жил-был Бравни, весёлый коричневый пёс с пушистым хвостом и чёрными пятнами на спине.

У него не было ни своего хозяина, ни своего дома. Но ведь он был весёлым псом и потому не очень-то унывал и любил всех на свете.

Увидит, бывало, бегущих в школу ребят и скажет:

— А вот и мальчишки в школу спешат!

Побежит вместе с ними, проводит до самых дверей и назад торопится. Завидит знакомых людей, обрадуется:

— О, миссис Грин вместе с миссис Браун и миссис Вайт идут в магазин!

Сбегает в магазин и опять летит к школе, поиграть с друзьями, такими же вислоухими дворнягами, как и он сам. А зазвенит звонок, выбегут ребята — Бравни опять вместе с ними бегают, в салочки и в кошки-мышки играет.

Иной раз так набегаётся, что два часа потом отдышаться не может.

Вот так и жил Бравни: целыми днями бегал и веселился.

Но когда наступал вечер и все ребята и его приятели-дворянги разбегались по домам, ему становилось очень грустно: ведь у него не было своего дома.

Погрустив немного, он отыскивал укромный уголок, сворачивался в клубочек и так проводил долгую ночь.

Иногда ему было холодно, иногда он хотел есть, и всегда он чувствовал себя очень несчастным.

Однажды вечером Бравни ужасно проголодался. Он понюхал воздух и почувствовал что-то очень вкусное. Он побежал к дому миссис Грин: это оттуда пахло так замечательно.

Бравни подбежал к двери и сказал:

— Гав-гав...

Миссис Грин выглянула в окно.

— А, это ты! — сказала она. — Ты, наверное, проголодался? На-ка тебе мозговую косточку.

И она вынесла Бравни мозговую косточку. Бравни был в восторге. Он расцеловал миссис Грин. А миссис Грин сказала:

— Ну, до свиданья, Бравни.

Бравни съел кость и подумал: «Ах, какая сегодня холодная ночь! Я ужасно замерз!» Он подбежал к дому миссис Браун, соседки миссис Грин, и сказал:

— Гав-гав...

Миссис Браун выглянула в окно. Она сказала:

— Здравствуй, Бравни. На дворе сегодня так холодно. Не хочешь ли выпастись у меня в кухне?

Она впустила Бравни, и он был так счастлив, что расцеловал её в обе щёки.

А миссис Браун сказала:

— Спокойной ночи, Бравни, — и ушла в спальню.

Бравни улёгся на полу в кухне, повозился немного и решил:

— Этот пол очень жёсткий.

Он прокрался в гостиную и вскарабкался на красивый голубой диван.

— Ах, как здесь мягко! — вздохнул Бравни и заснул крепким сном.

Утром миссис Браун вошла в гостиную и увидела сладко спящего Бравни.

— Гадкий пёс! — закричала она. — Сейчас же уходи с моего прекрасного голубого дивана!

«Пожалуй, мне лучше уйти», — подумал Бравни и сказал вежливо:

— До свиданья, миссис Браун. Бравни вышел на улицу и подумал, что снова проголодался. Он понюхал воздух и направился прямо к дому миссис Вайт — оттуда пахло чем-то таким вкусным!

— Гав-гав, — сказал Бравни, подойдя к дому.

Миссис Вайт выглянула в окно.

— Это ты, Бравни? — спросила она. — Ты, конечно, голодный?

Она вынесла ему тарелку каши, стакан молока и кусок хлеба. Бравни был очень доволен. Он расцеловал миссис Вайт, а миссис Вайт сказала:

— Ну, до свиданья, Бравни.

Счастливым Бравни пулей вылетел на улицу. Он отлично поужинал, он прекрасно выпался, его накормили таким вкусным завтраком!

Он весело побежал к школе и целый день играл там с мальчишками.

А вечером Бравни вспомнил о том, какую вкусную кость дала ему вчера миссис Грин. Он побежал к её дому, и она дала ему ещё одну кость.

С тех пор Бравни бегал к ней каждый вечер, и каждый вечер миссис Грин давала ему вкусную косточку.

Но однажды миссис Грин сказала:

— Вот тебе твоя кость, Бравни, но знай, что ты вовсе не мой пёс. Может быть, твоя хозяйка миссис Браун?

Бравни обрадовался: может, и в самом деле миссис Браун его хозяйка? Он вильнул хвостом, поцеловал миссис Грин, и они вместе отправились к миссис Браун.

Они пришли к миссис Браун, и она, выслушав их, сказала:

— Каждую ночь он спит на моём голубом диване, и я больше не гоню его прочь. Но он вовсе не мой пёс.

Может быть, он принадлежит миссис Вайт?

Бравни вздохнул: обидно, что от него отказались. Но потом он подумал: «Наверное, я в самом деле принадлежу миссис Вайт?» Он вильнул хвостом, расцеловал миссис Грин, а потом миссис Браун, и они все втроём отправились к миссис Вайт.

— Каждое утро я даю ему тарелку каши, стакан молока и кусок хлеба, — сказала им миссис Вайт. — Но это вовсе не значит, что Бравни — мой пёс.

Бравни очень расстроился: даже добрая миссис Вайт не признала его своим! Но он всё-таки расцеловал всех троих и стал ждать, что будет дальше.

— У него нет хозяина, а это не разрешается, — сказала миссис Вайт.

— Он беспризорный, и это противозаконно, — добавила миссис Браун.

— Мы просто обязаны сдать его полисмену, — закончила миссис Грин.

Бравни не понял, о чём идёт речь. Он думал, что его друзья говорят что-то очень хорошее, и потому махал хвостом и смотрел в глаза всем по очереди.

И тогда миссис Вайт сказала:

— Я не хочу звать полисмена!

И миссис Браун с ней согласилась:

— И я не хочу звать полисмена!

А миссис Грин тяжело вздохнула:

— Неужели мне придётся позвать полисмена?

Бравни забеспокоился: отчего это миссис Грин вдруг стала такой печальной? Он перестал махать хвостом и тоже вздохнул: бедная миссис Грин! Но он не знал, чем ей помочь, и потому ничего не сказал. Миссис Грин пошла в полицию и сказала:

— Заберите, пожалуйста, одного бездомного пса.

— Хорошо, мы пришлём нашего человека, и он заберёт его, — ответили ей.

Миссис Грин возвратилась к соседкам совсем грустная. Она сказала:

— Скоро придёт человек и заберёт нашего Бравни.

Она так тяжело вздохнула, что Бравни тоже загрустил. Он подошёл к миссис Грин, лизнул ей руку и завил хвостом. Как ещё мог он её утешить?

И тогда миссис Грин сказала:

— Милый Бравни! Ведь если придёт полисмен, он уведёт его!

Миссис Браун задумалась.

— Но не может же Бравни быть беспризорным? — сказала она.

— И голодать, — прибавила миссис Вайт.

— И мёрзнуть на улице, — закончила миссис Грин.

— Ему нужен ошейник! — решила наконец миссис Браун. — Я сама куплю его: ведь он спит на моём голубом диване.

— А я каждое утро буду давать ему тарелку каши, стакан молока и кусок хлеба! — обрадовалась миссис Вайт.

— А я каждый вечер — вкусную косточку, — добавила миссис Грин.

И тут миссис Вайт придумала:

— Огородим-ка наши дворы высоким забором, и пусть это будет дом для Бравни.

— Конечно! — воскликнула миссис Грин. — И тогда он станет нашим Общим Бравни.

— И мы все трое будем за ним ухаживать! — подхватила миссис Браун.

Так они говорили, а Бравни смотрел на них и без устали вилял своим пушистым хвостом: ему очень нравилось быть Общим Бравни. А потом все четверо: миссис Грин, миссис Браун, миссис Вайт и Бравни уселись в машину и отправились покупать для Бравни новый красивый ошейник.

КАК МЕДВЕЖОНОК МИШУТКА ПЕРЕХИТРИЛ СВОЮ МАМУ

Однажды утром, когда медвежонок Мишутка вместе со своей мамой вышел прогуляться по лесу, он вдруг увидел, что вся земля и деревья покрылись чем-то пушистым и белым.

Мишутка постоял, понюхал холодный воздух и осторожно ступил на белую землю.

— Ай!

Это белое было к тому же и мокрым! Оно переливалось на солнце, словно кто-то зажёл в лесу огромный белый костёр. Мишутка сделал ещё один шаг и в ту же минуту услышал голос матери:

— Мишутка, сейчас же в берлогу! Видишь — снег выпал, значит пора уже спать.

Мишутка ткнулся маленьким чёрным носом в снег и засмеялся: это было так интересно и совсем-совсем не страшно!

Нет, он вовсе не хотел укладываться спать! И он сделал вид, что не расслышал слов своей мамы.

Он стал бродить по снегу, оставляя за собой большие следы. Вдруг откуда-то сверху послышался тихий шелест. Мишутка поднял голову: с деревьев слетали последние листья. Они были сухие и сморщенные и, кружась в воздухе, тёмными пятнами падали на белую сверкающую землю.

— Мишутка! Скорей домой! — снова позвала медвежонка мама. — Видишь, опадают последние листья, а это значит — зима на носу. Всем медвежатам давно пора спать!

Но Мишутка и не думал возвращаться в берлогу. Он валялся и кувыркался в золотых листьях, они щекотали его чёрный нос, он чихал и фыркал и веселился от всей души! Нет, не хотел он ложиться спать на всю долгую зиму!

— Не пойду! — твёрдо сказал он маме и стал бороться с самим собой. Вдруг что-то мокрое упало ему прямо на нос. Мишутка задрал голову и уставился на небо. Маленькие белые снежинки кружились в воздухе.

— Смотри, уже падает снег! — крикнула ему медведица. — Сейчас же отправляйся домой! Зима наступила!

Но Мишутке было не до мамы. Он изо всех сил махал лапами, стараясь поймать хоть одну снежинку. И они попадались ему иногда. Но тут же таяли на его густой чёрной шерсти.

— Иду, иду! — крикнул он громко, а сам и не думал возвращаться домой.

Тогда мама-медведица покачала головой и сказала строго:

— Ну, до свидания, Мишутка! Я иду спать, а ты можешь играть на снегу, сколько тебе угодно!

Мишутка перестал ловить снежинки и посмотрел на маму. Но мама уже повернулась к нему спиной и, переваливаясь с боку на бок, отправилась к берлоге.

Мишутка совсем не хотел оставаться в лесу один, к тому же он вдруг подумал, как будет смешно, если он напугает маму! Он тихонечко, на цыпочках, стал красться за ней. Мать-медведица подошла к берлоге и проворчала:

— Запру-ка я дверь покрепче. Пусть этот проказник останется один в лесу. Узнает тогда, как безобразничать!

Мишутка зажал лапой рот, чтобы не прыснуть: ведь он шёл прямо за мамой и вслед за ней проскользнул в дверь.

А мама, запирая дверь, приговаривала:

— Вот так. И пусть себе мёрзнет в лесу целую зиму! А я заберусь в тёплую постель и засну крепким сном, а ему не открою!

Она забралась в кровать, и Мишутка тоже тихохонько прикорнул за её спиной.

— Кто это там щекочет меня? — спросила вдруг мама. — Небось, блоха забралась!

Она изо всех сил хлопнула себя по спине.

Мишутка чуть не расхохотался. Он спрятал мордашку в густую мамину шерсть и зажмурился: так ему было смешно.

— О-о-о-о! — удивилась мама. —

Кто же забрался в мою постель и дышит мне прямо в спину? Сейчас я поймаю этого зверя!

Она стала шарить у себя за спиной и нащупала Мишуткины уши. — Гм-м-м-м... — протянула она.

Потом она положила лапу Мишутке на голову.

— Ого-о-о-о... — изумилась она.

Наконец она добралась до его тёплого мягкого живота и вдруг как защекочет Мишутку!

Мишутка так и покатылся со смеху! Он хохотал-хохотал и никак не мог остановиться. Он махал всеми четырьмя лапами, крутил головой и всё смеялся, смеялся...

А мама-медведица так изумилась, что чуть не упала с кровати.

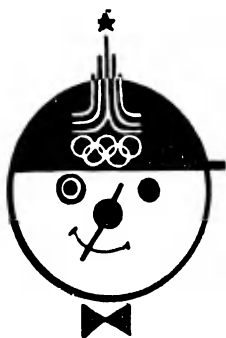
— Ай да Мишутка! — сказала она наконец. — Как это ты попал сюда?

— А я тебя перехитрил! — завопил Мишутка и так рассмеялся, что даже слёзы потекли у него по щекам.

— Да уж действительно! — Покачала головой мама. — Какой же ты у меня хитрый, Мишутка!

Мишутка глубоко вздохнул: он был очень доволен, что он такой хитрый и умный!

Потом он зевнул, прижался поплотнее к маме и заснул крепким сном на долгую-долгую зиму...

**КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»**

Советские спортсмены всегда верны олимпийскому девизу, который гласит — «Быстрее! Выше! Сильнее!» Эти качества одинаково нужны и значкисту ГТО, и обладателю олимпийской медали. Эти качества не раз демонстрировали наши спортсмены на олимпийских турнирах в различных видах спорта.

Мы пригласили на заседание клуба «Олимпийский хронометр» заслуженного работника культуры РСФСР журналиста В. И. Семёнова и попросили его рассказать о наших выдающихся спортсменах, о его встречах с ними.

В. СЕМЁНОВ

Быстрее! Выше! Сильнее!

1. СЧЁТ НА СЕКУНДЫ

Первой наградой заслуженного мастера спорта Юрия Тюкалова была медаль «За оборону Ленинграда». А потом ленинградский гребец дважды — в Хельсинки и Мельбурне — был удостоен звания олимпийского чемпиона.

Ю. Тюкалов стал первым советским олимпийским чемпионом по гребле. Победа студента Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухомовой была одной из сенсаций XV Олимпиады. На одиночке ему не было равных в столице Финляндии, а на академической двойке вместе с москвичом А. Беркутовым он был первым на олимпийской регате в Мельбурне.

— Любовь к спорту, — говорил Ю. Тюкалов, — мне привил замечательный значок ГТО. Именно со сдачи норм комплекса я почувствовал себя спортсменом.

Мы ещё не раз с благодарностью вспомним значок ГТО, а сейчас перенесёмся на Олимпийские игры в Рим.

...Шоссе в этот день напоминало не дорогу, а скорее духовку, так было жарко. В тени термометр показал 39 градусов, а на солнце были все пятьдесят. И вот в таких условиях велосипедистам предстояло со-

ревноваться не час, не два, а более четырёх с половиной часов. Трасса была кольцевой, круг — 12,3 километра.

Когда был дан старт, то мы увидели, что итальянские тренеры приготовили для своих питомцев приятный сюрприз: через два-три километра на ходу они поливали их из шлангов холодной водой. Наши тренеры могли предложить В. Капитонову и его друзьям по команде душ из холодной воды только после прохождения всего круга, да и то из... ведра. Но трудно облить из ведра гонщика, который мчится со скоростью 50—60 километров в час. И Капитонов улыбался, когда видел, как тренер Л. Шелешнев обливал водой заднее колесо его «золотого пегаса», как называли в Риме

На старте Юрий Тюкалов.

велосипед московского гонщика, а до него только долетали брызги.

В. Капитонов отлично вёл гонку. Но с ним произошло неожиданное. За круг до финиша он ошибочно решил, что закончил состязание. За ним шёл итальянец Л. Трапе. Он тоже задержался, решив, видимо, что если Капитонов остановился, то и ему пора вылезать из седла.

Все кричали:

— Ещё круг!

Трапе сразу понял родную речь и ушёл вперёд. Тут, нажав, как говорят, на все педали, пустился вдогонку и Капитонов. Когда до финиша оставалось 200—300 метров, он сделал большое усилие и обогнал итальянского гонщика. На дистанции более чем в 175 километров он выиграл у Трапе всего десять сантиметров, но они принесли ему золотую награду.

Завидную скорость на своей байдарке развивала на Играх в Токио, Мехико и Мюнхене ленинградка Л. Пинаева. Она на трёх Олимпиадах подряд завоёвывала золотые награды.

...Весло почти бесшумно опускалось в воду то с правого, то с левого борта байдарки. Гребки были сильными. Узкая, своенравная лодка стремительно мчалась по ровной глади горного японского озера Сагами.

А друзья по команде кричали:

— Быстрее, Люда! Быстрее!

Но она и так делала всё для того, чтобы быть первой на финише 500-метровой дистанции. И через несколько минут малоизвестная тогда в большом спорте ленинградка Л. Пинаева поднялась на высшую ступень пьедестала почёта.

Трудно было поверить, что она взяла в руки весло всего несколько лет назад. Было это так. Работала тогда Людмила весовщицей на Ленинградской бумажной фабрике имени М. Горького. Любила спорт. Как-то раз её послали на семинар инструкторов - общественников, и там тренер А. Колесников предложил ей заняться греблей.

Татьяна Казанкина на дистанции 800 метров.

На всю жизнь запомнила она своё первое плавание. Едва байдарка отошла от пирса, как неожиданно перевернулась. И тут Людмила с ужасом вспомнила, что не умеет плавать. Хорошо — вовремя подоспел катер. А потом девушка научилась и хорошо плавать, и отлично грести.

В Мюнхене Л. Пинаева выступила не на привычной ей одиночке, а на байдарке-двойке. Вместе с ней в лодке сидела студентка из Харькова Е. Курышко — новичок на Олимпийских играх. Очень высоким был темп девяти лодок в этом финале. Частота гребков достигала 118 в минуту. Гонку сразу же возглавили советские и румынские спортсменки. Немного отставала от них лодка ГДР. Но затем вперёд стали неудержимо выходить Пинаева и Курышко. Победный курс был проложен и на мюнхенском канале Фельдмохинг.

Необыкновенные скорости показала в 1976 году в Монреале ленинградка Т. Казанкина. Она одна завоевала сразу две золотые олимпийские награды. Казанкина впервые выиграла для нашей команды золото на 1500-метровой дистанции и вернула советской лёгкой атлетике победу на 800-метровке, которую ждали шестнадцать лет.

Одно из главных качеств, которое позволило Татьяне Казанкиной добиться такого большого успеха на Олимпиаде-76 это трудолюбие.

Если бы вам сказали, что на следующий день после возвращения из-за океана на небольшом стадионе, расположенном в посёлке Песочный, будет бегать двукратная олимпийская чемпионка Татьяна Казанкина, то вы бы вряд ли поверили этому. Но именно так и было.

— Приезжайте в Песочный,— сказала Казанкина. — Там живут родители моего мужа, мне надо навестить их, а заодно и потренироваться. Будет и мой тренер Николай Егорович Малышев.

Вечером мы встретились на стадионе в Песочном. Подтянутая, лёгкая, стройная спортсменка «отмеряла» круги, а потом лесная тропа увела её далеко на только ей известную трассу. Казалось бы, после блистательного выступления на Монреальской олимпиаде, победы в матче СССР — США, который уже после Олимпийских игр состоялся в Вашингтоне, можно было и отдохнуть. Но не такой характер у знаменитой бегуни. Исключительное трудолюбие, собранность, стремление к новым высотам в спорте, учёбе — вот тот путь, по которому с завидной настойчивостью уже не один год идёт спортсменка.

Сорок минут отдала Казанкина в тот вечер тренировке. И так почти каждый день. Сотни километров нескончаемой дороги.

— За что вы полюбили бег? — спрашиваю Татьяну.

— За то, что для него характерны естественные движения. Ведь он, наверное, самый древний вид спорта. В беге можно побеждать не только своих соперниц, но и себя.

— А когда вы впервые вышли на беговую дорожку?

— Когда училась в седьмом классе одной из школ города Петровска. Моим первым тренером был Виктор Дмитриевич Лутохин. Вот тогда всё и началось. А потом мне посчастливилось стать ученицей Николая Егоровича Малышева. С ним мы и добились больших побед.

— Когда было спокойнее на душе — в первом или втором олимпийском финале?

— Оба забега в Монреале были ответственны и потребовали больших усилий. Выиграв первую золотую медаль, просто уж нельзя было проигрывать на полуторакилометровой дистанции.

— А когда в первом забеге вы поняли, что победили, стали олимпийской чемпионкой?

— Только после финиша.

Два этих искромётных финиша не раз показывали по телевидению и, наверное, ещё неоднократно будут показывать вновь. Потому что очень они интересны не только своей зрелищной, но и тактической стороной.

— Беги по второй и даже по третьей дорожкам, — напутствовал Казанкину её тренер. — Пускай прибавятся лишние 15—20 метров, но зато тебе никто не будет мешать.

Так и бегала Казанкина в Монреале — легко, непринужденно, уверенно. Она одинаково хорошо применяла «длинный» и «короткий» финиш, была настоящей королевой бега.

В промежутке между играми в Монреале и Олимпиадой-80 в Москве в полный голос заговорила ещё одна ученица Н. Малышева. Это — ленинградская студентка Т. Провидохина. В отсутствие Т. Казанкиной она завоевала золотую медаль в беге на 1500 метров на чемпионате Европы по лёгкой атлетике, который летом 1978 года проходил в Праге.

Так что к олимпийским стартам в Москве теперь будут готовиться сразу две наши землячки — студентка Т. Провидохина и аспирантка Т. Казанкина.

Завидную скорость развивают и бегуны на длинные дистанции. Както раз москвич заслуженный мастер спорта Феодосий Ванин приехал погостить к отцу в деревню. Решили навестить родственников в соседнем селе, до которого было несколько километров.

— Я сейчас запрягу в повозку лошадь, — сказал отец.

— Ты давай на лошади, а я бегом, — ответил он.

Как ни погонял отец лошадь, Федосий раньше прибежал в село.

Таких бегунов у нас много. Но особое место среди них занимает двукратный олимпийский чемпион Владимир Куц. Это ему на XVI играх рукоплескал олимпийский Мельбурн. Владимир добился тогда побед сразу на двух дистанциях — в 5 и 10 тысяч метров. Он одерживал немало побед, устанавливал мировые рекорды. В 1956—1957 годах по опросу спортивных журналистов он был назван лучшим спортсменом мира. Да и потом слава его гремела многие годы.

Помню Олимпиаду в Риме 1960 года. Я часто выходил с В. Куцем на улицы и проспекты итальянской столицы. Как только итальянцы узнавали знаменитого бегуна, сразу же возле него выстраивалась очередь за автографами. А потом итальянцы вручили ему едва ли не самый интересный и дорогой приз —

золотую каравеллу Колумба. Так решил муниципалитет Генуи — родины великого мореплавателя. Великому бегуну была вручена золотая копия корабля Колумба.

Первые шаги в спорте матрос В. Куц сделал в нашем городе. Эстафету, начатую Куцем, подхватил москвич Пётр Болотников. Он победил на XVII Олимпийских играх в Риме в беге на 10 тысяч метров. И на его счету было много побед, рекордов.

— В своей коллекции медалей, — сказал мне П. Болотников, — я храню значок ГТО, который дал мне путёвку в большой спорт. Вот почему я всегда советую мальчишкам и девочкам непременно участвовать в тренировках и соревнованиях по программе физкультурного комплекса ГТО. Не зря у нас есть такой лозунг: «От значка ГТО — к олимпийской медали!»

Фото В. Галактионова

(Продолжение следует.)

В. ДЮКОВ

Тишинята

*За окном уже луна,
а в квартире Тишина.
Тишина, да не одна —
с Тишинятами она.*

*Очень милые зверята,
те трусишки-Тишинята.
По квартире словно мыши
бродят маленькие Тиши.*

*Даже кошки, даже кошки
обмотали тряпкой ножки,
испугать таких зверят
даже кошки не зотят.*

Рис. Л. Московского

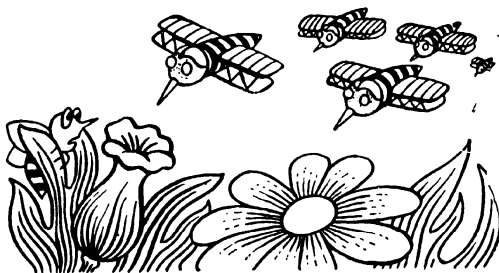
КЛАД В... ПЕСОЧНИЦЕ

Пятилетние питомцы казанского детсада № 175 вырыли игрушечными совками самый настоящий клад. В песочнице на игровой площадке ребята натолкнулись на что-то твёрдое. Общими усилиями вытащили железную банку, открыли прожавевшую крышку, а оттуда посыпались жёлтые кружки. В банке оказалось 146 золотых монет царской чеканки достоинством в 10 и 5 рублей, а также золотые браслеты, перстни, кольца, серьги и брошки с бриллиантовыми и алмазными вставками.

Общий вес золотых монет и изделий, сданных в государственное хранилище ценностей, — около полутора килограммов.

ЧТО ДАЁТ СОЛНЦЕ

Научно-технический прогресс значительно расширил рабочие профессии солнца. Его энергия, преобразованная в электрическую, поднимает из земли живительную влагу, действуют многочисленные гелиоаппараты, которые опресняют солёные воды. Мы научились собирать

ЧЕРЕПАХА ВЕСОМ... В ТОННУ

Лежбище самых редких и самых крупных в мире кожистых морских черепах обнаружили учёные Индии на песчаном побережье одного из необитаемых островов в Бенгальском заливе.

Ежегодно с началом летних муссонов на этот кусочек суши, затерявшийся в Индийском океане, приплывают сотни черепах. Они откладывают здесь в раскалённый песок яйца и возвращаются в океан.

Некоторые из морских гигантов достигают 2,5 метра в длину и весят почти тонну.

ИСКУССТВЕННАЯ ПЧЕЛА!

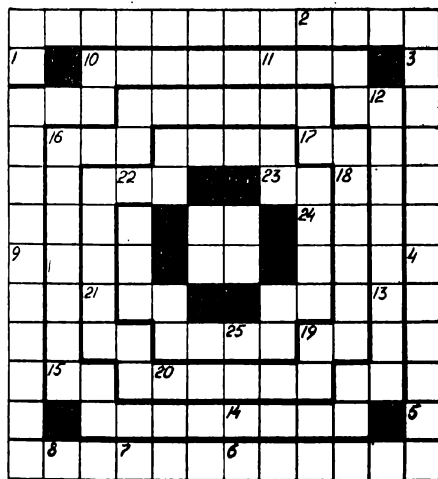
Миниатюрный прибор для опыления цветов томата создали инженеры-конструкторы экспериментального завода сельскохозяйственного машиностроения в нашем городе. 120 искусственных пчёл уже изготовлено. Они отправлены в уфимское объединение «Сельхозтехника».

Применение искусственных опылителей на 30 процентов повышает урожайность томатов в теплицах.

солнечную энергию «про запас» и с её помощью отапливать квартиры, выращивать зимой овощи, фрукты.

Краем самого жаркого солнца в стране является Туркменская ССР. Оно светит здесь большую часть года. С каждого квадратного километра территории можно получать до 40 миллионов кило-

ватт-часов лучистой энергии. Особое внимание учёные Туркмении уделяют созданию солнечных кондиционеров. Недалеко от Ашхабада построен жилой дом, где действует установка, которая с помощью солнечных лучей подаёт в квартиры... нет, не тепло, а прохладу. Это важнее для жителей жаркой республики.

При разгадывании этого чайнворда необходимо учесть, что слова в нём соединены между собой с помощью двух букв, а не одной, как это имеет место в простых чайнвордах.

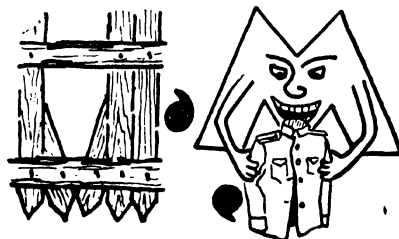
1. Наука об управлении, связи и переработке информации. 2. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 3. Печатное произведение небольшого объёма. 4. Единица измерения углов. 5. Вид концертно-эстрадного коллектива. 6. Русский архитектор, автор Невских ворот в Петропавловской крепости. 7. Сельскохозяйственная постройка. 8. Общежитие для учащихся при школах. 9. Газовая оболочка, окружающая Землю. 10. Спортивный инвентарь, применяемый при игре в теннис. 11. Неболь-

шой диван. 12. Детский врач. 13. Головной убор треугольной формы у морских офицеров. 14. Карельский народный эпос. 15. Полуостров на Северо-Востоке Северной Америки. 16. Лицо, обладающее организаторскими способностями. 17. Многочисленное, неорганизованное скопище людей. 18. Герой Отечественной войны 1812 года, поэт и писатель. 19. Прибор, служащий для извлечения из буровой скважины поломанной буровой трубы. 20. Ежегодное время отдыха, гарантированное Конституцией СССР. 21. Знак, употребляемый для обозначения порядка выполнения математических действий. 22. Игра слов, основанная на их звуковом сходстве при различном смысле. 23. Основная форма учебного процесса в современной школе. 24. Духовой музыкальный инструмент со свистковым устройством. 25. Почётное вознаграждение за какие-либо заслуги, отличия.

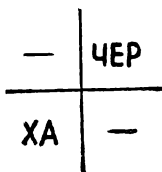

РЕБУС-ШУТКА

Какое слово зашифровано в этом забавном ребусе?

СЛОГИ И СЛОВА

Подставьте слоги вместо чёрточек с таким расчётом, чтобы можно было прочесть два слова, записанные в столбик, и два — в строчку.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 9]

ДВА ЛАБИРИНТА

Во втором лабиринте значительная часть его стен не соединяется с основным контуром, т. е. не является единой геометрической сетью и может быть свободно «вынута» из рисунка. На такие лабиринты правило «одной руки» не распространяется.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

420 : 15 = 28.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Котёл, марка, комар, тёлка.

Содержание

Первый, поднявший знамя!	
Очерк Василия Островского .	1
В порту. Стихотворение Владимира Колейко	7
Урожай. Стихотворение М. Тахистовой	7
Тёмная комната. Продолжение повести Валерия Попова	8
Золотая осень. Стихотворение Василия Фетисова	16
Наш костёр. Стихотворение Е. Апарина	16
Загадки лесного дупла. Рассказы Н. Сладкова	17
Листодёр. Рассказ С. Шандлоренко	20
«Ломтиком сыра месяц скользит». Стихотворение Наташи Десятковой	22
Фермер с берега озера Отсега (К 190-летию со дня рождения Фенимора Купера)	22
Проще дела я не знаю. Стихотворение Димы Баратова . .	25
Изобретатели. Стихотворения Ефима Ефимовского	26
Первая «Искра». Рассказ Николая Григорьева	28
Генерал. Стихотворение Вольта Суслова	38
Царь-трактор. Очерк Б. Сергеева	39
Была бы прибыль... Заметки из международной почты Бориса Никольского	42
Братья. Главы из исторической повести В. Воскобойникова .	43
Смешные истории. Рассказы Джейн Тайер	52
Заседание клуба «Олимпийский хронометр»	58
Тишина. Стихотворение В. Дюкова	61
Пёстрые заметки	62
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок Л. Московского «Знайте правила движения, как таблицу умноженья».	
На 2-й и 3-й страницах обложки фотоэтюды П. Маркина «Я знаю ответ».	
На 4-й странице обложки рассказ в рисунках О. Орлова и Б. Цыганкова «Вечный двигатель».	

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 3.09. 1979 г. Подписано к печати 15.10. 1979 г. 4 п. л. М-20229. Зак. № 293. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

